

Страшные истории для девочек Уайльд

Автор:

[Эллис Нир](#)

Страшные истории для девочек Уайльд

Эллис Нир

Мастера магического реализма (АСТ)

В лесу висит большая птичья клетка, а в ней – мертвая девочка. Да-да, Изола Уайльд видит много такого, чего не видят другие. Но когда мертвая девочка появляется у Изолы под окном, становится ясно, что ее угрозы – не пустой звук. В одиночку Изоле не справиться. Ее братья-принцы – эльфы, русалки и волшебные существа, словно сошедшие со страниц книги сказок, – защищают ее со всей свирепой силой любящих сердец.

Эллис Нир пишет умно и остро, виртуозно смешивая реальность и вымысел. Крепко держа читателя за руку, она уводит его в темный лес фантазии по стопам Нила Реймана и Анджелы Картер.

Эллис Нир

Страшные истории для девочек Уайльд

Моему папе, Питеру Ниру, с вечной любовью

И памяти Изолы Франчески Эмили Уайльд (1857–1867)

«Она слышала, как растут маргаритки»

Allyse Near

Fairytales for Wilde Girls

Печатается с разрешения литературных агентств Cutrtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC

Copyright © Allyse Near, 2013

Cover illustration © Courtney Brims

© Ю. Демченко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть I

Седьмая принцесса

Тому, что видишь, верь лишь наполовину, а тому, что слышишь, не верь совсем.

Эдгар Аллан По

Как Изола Уайльд повстречалась со смертью

Однажды поздно вечером Изола Уайльд вместе со своим старшим братом Алехандро смотрела телевизор, когда в прямом эфире Двенадцатого канала показали самоубийство.

Мальчик-подросток в кожаной куртке, с волосами цвета барханов и веснушками, похожими на настоящие песчинки. Камера взяла крупный план, и силуэт парня на секунду расплылся, будто в мутном пьяном взоре, а затем снова обрел резкость.

Плечи Изолы Уайльд напряглись. Руки сжались в кулаки, готовые нанести упреждающий удар. Она чувствовала, что знает этого парня. А он знал ее.

Но они никогда не встречались.

Он находился на окружной ярмарке в часе езды к северу от родной деревушки Изолы, Авалона. Парень выбрался из ярко освещенной кабинки на вершину чертова колеса и стоял среди сверкающей паутины стальных конструкций. Он не выглядел испуганным. Даже не трясся.

Собравшаяся толпа уроборосом сомкнулась вокруг колеса. Некоторые зеваки направили на парня телефоны и фотоаппараты, записывая на видео неслышимые последние слова. Красные огоньки, похожие на змеиные глаза, пожирали добычу, чтобы потом отрыгнуть. Темные глаза самоубийцы мерцали, словно пламя свечи, взгляд перебегал то на землю, на которую скоро упадет его тело, то на направленную на него телекамеру, то прямо в объектив на Изолу, которая замороженно ловила его взгляд.

Она: свернувшись на груди подушек, в полосатых носках и летних трениках, покусывая цепочку на шее.

Он: стоя на краю пропасти.

А потом парень шагнул вперед, и ветер засвистел вокруг камнем летящего вниз тела, словно шепча: «Я люблю тебя».

Александр слишком поздно понял, что происходит, и резко склонился над Изолы, словно пытаясь защитить ее от столкновения, как будто он мог бы принять неуклонно приближающееся к земле тело на себя.

На вершине колеса пустая кабинка болталась из стороны в сторону, потревоженная прыжком самоубийцы. А может, ее раскачивал призрак, навеки

заклученный в ней и обреченный бесконечно кататься на херфордширском чертовом колесе.

«Бывают судьбы и похуже», – думала Изола, пока Алехандро без конца сыпал извинениями за чужую смерть, а крики толпы накладывались на речь появившихся в кадре перепуганных репортеров, которые ослабляли узлы галстуков, внезапно ставших похожими на удавки. Изола Уайльд помнила мужчину, упавшего в мясорубку на скотобойне в центре города. Перемешивались ли его кости в механизме дробилки вечно, пока призрак вновь и вновь переживал страшную смерть? Да и каково это человеческому призраку – обитать на скотобойне? Там небось не протолкнуться среди колышущихся привидений забитых свиней и волооких коров, выпускающих пар эктоплазмы из пастей и, сбивая копыта, выстукивающих по полу: «Нет, здесь нет места для еще одной бедной души».

Изола Уайльд смотрела телевизор со своим братом Алехандро.

Она была единственным ребенком в семье.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИЗОЛА УАЙЛЬД: Шестнадцать лет. Место жительства – Авалон. Крашенная блондинка, белая ворона и главная героиня этой истории.

МАМА УАЙЛЬД: Близнецы по гороскопу. Средних лет и все еще хороша собой, но красота померкла за годы, минувшие с тех пор, как ей поставили диагноз. Любит запивать лекарства лошадиными дозами джина.

ПАПА УАЙЛЬД: Разнорабочий. Бородач. Однажды стащил у жены несколько таблеток, чтобы проверить, не покажется ли жизнь хоть немного лучше из гущи тумана. Разочаровался, убедившись, что все вокруг стало только расплывчатее.

Занавес поднят. Декорации

АВАЛОН, неприметная деревушка на юго-западном побережье Англии, притаившаяся на дне долины в окружении густых лесов и холмов, похожих на тени морских чудовищ.

Самый высокий холм зарос густым ЛЕСОМ ВИВИАНЫ, который суеверные местные жители считают населенным призраками, а скептики – просто жутковатым. В обход чащи вьется грунтовая дорога – единственный путь, которым можно добраться до улицы за холмом, если не хочется битый час плутать в густом лесу. Ни у кого такого желания и не возникало, за исключением ИЗОЛЫ УАЙЛЬД.

ВИВИАНА, в честь которой назвали лес, была прелестной девушкой, навеки заточившей волшебника Мерлина в могучий дуб. Возможно, насекомые прогрызли кору и полакомились разлагающимися кишками Мерлина, а потом стряхнули пыльцу волшебной крови со своих сверкающих жучиных крылышек прямо на листья деревьев, по которым ползали крохотными влажными ножками. А может, сама Вивиана поселила все виды магии в своем лесу, ибо он радушно принимал всех заколдованных и зачарованных существ, которым случалось в него попасть.

АВРОРА-КОРТ, крохотная улочка, разделенная пополам густым лесом. Сейчас на ней осталось лишь четыре дома. В доме номер тридцать шесть живут УАЙЛЬДЫ, а номера с первого по тридцать пятый, скорее всего, поглотила природа, голодными лозами пробившись сквозь гнилые половицы.

ТРИ ОСТАЛЬНЫХ ДОМА НА АВРОРА-КОРТ: один сдается, второй украшен новенькой табличкой «Продано», а в третьем обитает старый затворник, которого НАША ГЕРОИНЯ называет СТРАШИЛОЙ РЭДЛИ. Иногда он выкрикивает библейские стихи и апокалиптические пророчества, если видит Изолу в саду, а порой его фигура маячит у нее за окном.

Дом номер тридцать шесть – двухэтажный и побит непогодой. Парадная дверь покосилась – слишком уж часто молодые жильцы барабанили в нее, не жалея сил. За садом уже давно почти не следят, но там все равно буйствует растительность.

И этот дом за темными лесами был заколдованным замком, оплетенным изгородью из терний. На втором этаже томилась в башне принцесса: свечи здесь

несли дозор на подоконнике, а дверь всегда запиралась только изнутри.

Свадьбы, вечеринки, другие сборища

Наступил последний день каникул, и люди приветственно захлопали, когда золотистые занавеси сумерек сомкнулись, оставив очередное лето снаружи. Грядущую вечеринку живо обсуждали несколько недель, улицы Авалона гудели от сплетен и предвосхищения, но, как и всегда в жизни молодых, ожидание оказалось лучше самого праздника.

Эдгара затащил на вечеринку его друг Пип Сатклифф. Эдгар еще не стал Эдгаром Алланом По – это случилось позже, словно Большой праздник знаменовал не конец спектакля, а лишь антракт перед вторым актом. До Изолы и После Изолы.

Из колонок грохотала музыка, гости пререкались по поводу плей-листа. Работала дым-машина, лучились синие прожекторы, в бокалах с сидром и джином позвякивали кубики льда, а шпильки застревали в толстом пушистом ковре.

Эдгар, простой парень Эдгар, стоял над блестящей чашей хромированной кухонной раковины. Виски жгло желудок. Эдгар не особо любил алкоголь. Холодное пиво в его левой руке было скорее для вида – он не хотел показаться полнейшим занудой.

Неподалеку какой-то парень, не снявший темных очков даже в неосвещенной кухне, привалился к холодильнику, разрушив стройный порядок украшавших его магнитов и фотографий, и попытался завязать беседу с девушкой.

– Куришь? – спросил ее парень.

– Только пассивно, – отозвалась девушка.

– Ну, то есть травку?

– Как ты меня назвал?

Эдгар фыркнул в раковину, скользкую от чьей-то розовой блевотины. Парень ушел, а Эдгар посмотрел девушке в глаза. Та подмигнула.

Что увидел Эдгар, впервые узрев Изолу Уайльд

С ног до головы – хрустальную Золушку. Хрустальные туфельки, синие хрустальные губы, хрустальный зонтик в руках. Неподвижные оборки бального платья из плексигласа.

Пол вибрировал от басов: электрическим током они жужжали в подошвах ботинок Эдгара и сотрясали позвоночник. Больше не было ни слов, ни мелодии – только шум и бешеный барабанный бой, вторивший сердцу Эдгара, внезапно припустившему вскачь.

Затуманенный виски, светомузыкой и синей дымкой взгляд прояснился, и Эдгар понял, что с Золушкой у незнакомки не так уж много общего.

Густая масса кудрявых волос, таких светлых, что при мысли о количестве пергидроля у Эдгара зазудела кожа головы. Радужные сполохи на кончиках, словно растаявшие разноцветные драже. Темно-синяя губная помада, подчеркивающая океанский цвет праздничного наряда. Бокал шампанского с долькой лимона на кромке. А на цепочке на шее – похоже, миниатюрная золотая карета.

Когда стробоскоп включился снова, пронизав комнату синими лучами, возможная карета превратилась в вероятную тыкву. Эдгар и незнакомка опять встретились взглядами, и ему почудилось, будто что-то в ее лице пробило полночь: зрачки стали черными колоколами на часовой башне, отбивающими двенадцать ударов.

– Гм, привет, – поздоровался Эдгар, подходя ближе. Подмигивание Изолы небрежной искрой подожгло буйные заросли его надежд, тотчас запылавшие степным пожаром. – Привет, – повторил он и по-дурацки взмахнул рукой.

Вообще-то у него никогда не получалось флиртовать, но в тот вечер он чувствовал себя еще более неловко, чем обычно. Виски в желудке сгущалось и уже грозило створожиться.

- Я не курю, - объяснила она, - но все равно спасибо.

- Э-э... Ну, я тоже не курю, - промямлил Эдгар.

Девушка пожала плечами.

- Мне нельзя. Брат меня сразу убьет.

- А-а, - протянул Эдгар. - Бережет тебя?

- Не хуже бронжилета.

Оба неловко потупились и отхлебнули из своих бокалов.

- Я - Эдгар.

- Ага, - с загадочной улыбкой постучала она по носу. - Так и подумала, что твое лицо мне знакомо.

Эдгар сглотнул: на кого же он похож, такой неуклюжий и бледный? Он как мог небрежно прижал пивную бутылку ко взмокшему лбу и выдавил:

- О... Мы знакомы?

- Не-а. Но я тебя знаю. Я читала твои книжки. - Он непонимающе посмотрел на нее, а девушка приподняла бровь, пальцем оглаживая кромку бокала, словно волшебную лампу Аладдина. - Эдгар Аллан По?

- О, типа, «Ворон» и все такое?

- Ну да. Хотя это и не лучшее из твоих сочинений.

Эдгар неловко рассмеялся и тут же замолчал, услышав эти булькающие звуки.

– Я – просто Эдгар.

С механическим шорохом комнату вновь заполнил дым, скрыв обоих туманом, словно пришедшим сюда с далеких болотистых пустошей. Незнакомка протянула сквозь марево ладошку для рукопожатия, и в свете прожектора мелькнули обкусанные до мяса ногти, покрытые лаком с блестками.

– Я – Аннабель Ли.

Под утро, когда вечеринка уже содрогалась в агонии, Эдгар, преодолев лабиринт переплетенных ног и пустых бутылок, добрался до чудесным образом опустевшего кресла и поискал имя таинственной девушки в Интернете. Только тогда до него дошло.

И всегда луч луны навевает мне сны

О пленительной Аннабель Ли.

И зажжется ль звезда, вижу очи всегда

Обольстительной Аннабель Ли.

И в мерцаньи ночей я все с ней, я все с ней,

С незабвенной – с невестой – с любовью моей —

Рядом с ней распростерт я вдали,

В саркофаге приморской земли[1 - Заключительная строфа стихотворения Эдгара Аллана По в переводе К. Бальмонта. Здесь и далее примеч. перев.].

Не красавица

В ванной было так же туманно, как и на вечеринке по случаю окончания лета два дня назад. И удушающе жарко, словно липкий воздух поступал по трубам из тропиков. Лужи воды, мокрые полотенца. Бруски мыла с прилипшими светлыми

волосками.

Девочка по частям: кукольно-тонкие ноги, бритвенный порез на коленке. Торчащие бедренные кости. Бледные руки, умащенные клубничным лосьоном для тела.

Она намотала полотенце на голову как тюрбан. Зеркало запотело от пара, и Изола Уайльд подняла руку, чтобы его вытереть, но, передумав, схватилась за раковину и наклонилась ближе к запотевшему стеклу. Отражение мутное, словно анонимный свидетель в вечерних новостях или информатор из среды мафии на месте свидетеля. Изола в программе защиты свидетелей. Анонимная Уайльд. Она могла бы быть кем угодно.

– Зеркало, зеркало, что на стене, – нараспев протянула она, стараясь, чтобы голос звучал так же туманно, как расплывчатое отражение. – Кто красивее всех в стране?

В тумане поплыли слова, и под ловкими пальцами древнего волшебства, заключенного в стенах, на зеркале начали проступать буквы:

Девочки-подростки всегда некрасивы

– Одета ты или нет, я захожу, Изола.

Изола уже вытирала зеркало, когда без дальнейших церемоний мама Уайльд распахнула дверь. Ее всклокоченные после сна волосы превратились в гнездо сказочных грез, под глазами темнели круги. Но зеркало все равно должно было назвать ее самой красивой: даже больная, почти прикованная к постели, мама Уайльд все равно сохраняла отблеск былой привлекательности и зерно очарования. Так выглядела бы стареющая Мэрилин Монро, если бы ей вовремя промыли желудок.

Однако все лучшие, с точки зрения Изолы, мамины фотографии были сделаны до того, как ей поставили диагноз. Смазанные края, длинные ресницы, накрашенные улыбающиеся губы, веснушки на носу. Конец восьмидесятых: мама лежит на кровати, держа в руках телефонную трубку с проводом, – и никаких

пузырьков с пилюлями на тумбочке. И слегка округлый живот без серебристых растяжек, оставшихся после беременности.

– О, хорошо, что ты не голая, – сказала мама. – Идем, ты не успеешь как следует причесаться до школы.

– Спасибо, что встала, чтобы повидаться со мной сегодня, мама.

Мама Уайльд кисло улыбнулась. Стащила с Изолы импровизированный хиджаб и начала вытирать ей волосы, пальцами распутывая колтуны.

– Почему у тебя синяки под глазами? Опять подралась?

Изола потерла глаза костяшками пальцев.

– Нет, просто спала в макияже.

На самом деле «спала» – это сильно сказано. На вечеринке Изола долго не задержалась, но потом почти до света бродила в лесу, а когда, наконец, улеглась, сон тотчас раздробился на туманные картинки карнавала и мальчиков, что срывались с высоты над блистающей огнями землей, раскинув руки для полета.

– Так поздно легла? – чуть насмешливо откликнулась мама, пытаясь отлепить с ее мокрого затылка очередную прядь волос. – Ты только отцу не говори. Он-то думает, ты к полуночи уже десятый сон видишь, и слава богу. Да, кстати! Он не знает, что ты смотрела в пятницу ночью эти ужасные новости.

Изола удивленно вытаращила глаза, а мамины пальцы замерли, не доплетя косу. Взгляды матери и дочери встретились в отражении, и Изола поняла, что правда написана у нее на лице так откровенно, словно волшебное зеркало отразило все ее мысли.

– Все нормально. Просто не говори отцу, – прошептала мама, выпутывая пальцы. Наклонилась ближе и большим пальцем убрала хлопья туши с нижних ресниц дочери. – Ты же знаешь, насколько он... чувствителен к таким вещам.

* * *

Мама успела спуститься первой и уже хлопотала у плиты, вся воздушная в своем халате. В духовке что-то запекалось. Мама прикрыла кухонной лопаткой зевок, внимательно следя за потрескивающей в сковороде яичницей.

- Добрый день, - поздоровалась мама, подмигивая в сторону часов.

- Добрый, - отозвалась Изола.

Отец прятался за утренней газетой, заслонившись ото всех чернилами кричащих заголовков: странные имена детей знаменитостей и мировые трагедии. Не поднимая глаз, он грязным ботинком выбил из-под стола табурет.

- Завтракать будешь?

- Хочешь яичницы, Изола? - спросила мама.

- Нет, спасибо.

Услышав это, отец выглянул из-за края газеты, подозрительно хмурясь.

- Вчера что-то случилось?

- Да ничего особенного, - отозвалась Изола, усаживаясь на стул.

- Ему интересно узнать об особенных мальчишках, - театрально прошептала мама. - Чтобы проехать мимо их домов и посмотреть... ну, ты поняла.

Изола лукаво усмехнулась.

- Папа? Ты же познакомился с мамой на вечеринке, когда вы оба были примерно моего возраста, да?

Отец пробормотал что-то неразборчивое.

Мама слегка поникла. Отвернулась к плите, лопаткой вскрывая желтки.

Изола едва не прожгла газету взглядом, пытаясь телепатически сказать ему: «Поговори с мамой. Скажи ей хоть пару слов».

– Завтра снова в школу, – резко сменил он тему. – Пора привыкать ложиться на закате, Изола. – Он отбросил газету, одним глотком допил кофе и встал.

Изола услышала знакомую поступь его рабочих ботинок и наморщила лоб.

– Ты же не собираешься на работу? Сегодня воскресенье.

– Взял пару сверхурочных.

Учебный год еще не начался, а он уже брал смены, чтобы подольше оставаться вне дома и не видеть маму. Начиналось все со сверхурочных, потом плавно переходило к дальним командировкам. Теперь, когда каникулы закончились, он не хотел сидеть с мамой взаперти без Изолы, которая хоть немного разряжала печальную атмосферу.

Мама водила руками над сковородкой, словно пытаясь поймать поднимающийся от яиц жар. В кухне, казалось, повисли какие-то застарелые невысказанные слова.

Изола опустила глаза, пока отец собирал себе обед. Она узнала фотографию на первой полосе. Темная глубокая ночь, переливающееся огнями стальное колесо, неясный силуэт наверху, похожий на птенца, боящегося впервые в жизни взлететь...

Моррис, домашний кот, скользнул вокруг ног Изолы, и она дернулась, выныривая из тяжелых мыслей. Кот мяукнул, и мама выгнала его за дверь в постирочную, где стояла миска с кормом. Отец поставил в раковину чашку из-под хлопьев. Оставленная без присмотра яичница зловеще зашипела.

– Папа? Сковорода.

Папа Уайльд вскочил и поспешил к плите, что-то бормоча себе под нос.

- Тупица, - рыкнул он, соскребая подгоревшую яичницу в мусорное ведро.

Изола сердито посмотрела ему в спину. Ей жутко не нравилось, как он говорил о маме. Сегодня она хотя бы встала и попыталась заговорить, а отец давно уже оставил все попытки.

Части тела

Сливовое дерево в садике Изолы Уайльд умирало.

Это продолжалось уже три года; иногда оно, словно Лазарь, со стоном поднималось из могильного сна и на ветвях его созревали сочные плоды, как будто древесный сок сгущался в огромные фиолетовые натеки. Потом сливы переспевали и падали, а дерево уходило еще немного глубже в землю, и его ветки становились серыми, как покинутые коконы бабочек. Ветер больше не свистел радостно в его листве, а шептал, словно понимая, что танцует у смертного одра.

День открывался перед Изолой – последнее воскресенье свободы. Отец уехал, а мама вернулась наверх, и дом теперь напоминал «Ужас Амитивилля»: даже с лежащей в кровати мамой он порой казался совершенно пустым.

Изола закрыла глаза и скрестила ноги в асане, которой мама научила ее, прежде чем навсегда забросить йогу (так же, как до того – акупунктуру, а еще раньше – золот: было время, когда она одержимо хваталась за всякое чудо-средство в надежде отыскать панацею). Очертания воображаемой богини стали четче: корешки, пробивающиеся из-под волос, загорелая кожа, грязь под ногтями.

Послышался знакомый шорох одежды, и Изола открыла глаза, смаргивая солнечный свет, скопившийся в глазницах, словно капли дождевой воды.

В чахлой тени сливового дерева стоял Алехандро и улыбался сестре самой грустной из всех своих грустных улыбок.

- На этот раз она, похоже, и впрямь умирает, - тихо сказала Изола.

- Похоже на то, - кивнул Алехандро и, помолчав, как будто через силу добавил: - Знаешь, когда моя мама болела, она всегда садилась и делала себе красивую прическу. Говорила, что болезнь привлекает визитеров, и ей хотелось выглядеть достойно.

Изола удивленно посмотрела на него. Она не так уж много знала о его семье, о его Прежней Жизни. Конечно, в общих чертах история была ей известна, но подробности она слышала впервые.

Алехандро присел на корточки рядом с Изолой - слишком благовоспитанный, чтобы усесться прямо в грязь.

- А когда мои сестры грустили, она всегда заставляла их взять себя в руки, пойти и сделать завивку.

- Представляю, как они злились!

- Еще бы! Они этого терпеть не могли. - Алехандро еще немного помолчал. - Но, по-моему, от нарядной одежды маме всегда становилось лучше.

- Ну, если думаешь, что это поможет... - Изола расцепила скрещенные ноги и начала подниматься.

- Что именно, querida[2 - Дорогая (исп.)]?

Но Изола уже умчалась в дом, а когда вернулась, Алехандро и сам все понял, увидев у нее в руках пакеты с рождественскими украшениями, с зимы пылившиеся на чердаке.

Алехандро и Изола обмотали дерево гирляндами, зная, что лампочки не зажгутся, если не включить их в сеть, но надеясь, что под солнцем цветное стекло заиграет бликами. Привязали шары на ветки, где должны были зреть сливы, украсили блестящими звездами ствол. Обмотанное мишурой дерево стало похоже на закутанного в перьевые боа трансвестита.

- Может, еще ангелочка на верхушку? – предложил Алехандро.

- Ни в коем случае! – покачала головой Изола. – Вся эта религиозная символика – ни к чему. Будет только напоминать ему о неминуемой смерти.

- Но все Рождество – это и есть религиозная символика, Изола!

- Кроме того, – будто не слыша, продолжила она, – оно не умрет.

- Но ты же только что сказала... – В кармане платья у Изолы что-то зажужжало, и Алехандро спросил: – Пчела?

Изола снова покачала головой:

- Лоза.

Вытащила вибрирующий мобильник и открыла сообщение в папке входящих.

«Жткие ковровые ожоги после вчршн тусовки» – жаловалась Лоза.

«Звучит двусмысленно» – напечатала в ответ Изола.

Лоза ответила смайликом и добавила:

«Ожог птч я упала с лестницы на ковер у всех на глазах, птм пришлось притвориться, что я специально. Рука похожа на манго (размер и цвет), птч я на нее приземлилась, а ты все пропустила. Чего ушла так рано?»

«?Ковровый ожог” звучит как ЗППП», – ответила Изола.

«Ха-ха, хочешь поиграть в загадки? Ты пропустила отпадную ночь».

«А ты завтра не придешь в школу».

«Нврн. Мама ткчто сказала, что у меня вроде как запястье сломано!!! Бг-г».

Алехандро перегнулся через плечо Изолы, якобы пытаясь дотянуться до стеклянных фигурок Санты.

- Ты рано ушла? - полюбопытствовал он.

Изола сунула телефон в карман.

- Надо было вообще не ходить.

- Почему?

- Да потому что! - Изола досадливо махнула в сторону окна на втором этаже, задернутого занавеской. - Мама совсем расклеилась, и у папы теперь опять дела.

- И что, это все - из-за какого-то светского мероприятия? - Алехандро удивленно выгнул темную бровь.

- Светское мероприятие... Когда ты так говоришь, я чувствую себя дебютанткой! - фыркнула Изола и, присев в реверансе, скорчила противную рожу.

- Но если не ходить на балы, то как обзавестись поклонниками?

- Вот потому-то папа и дуется. Поклонники, ха-ха! - Изола закатила глаза. - Можно подумать, они за мной табунами ходят.

- Когда дело доходит до брака, отцы всегда переживают, - рассудительно заметил Алехандро. - Не так-то легко передать родное дитя в чужие руки.

- До брака?! - вскинулась Изола.

На вечеринку пошла только потому, что если бы осталась дома, то привлекла бы больше внимания. Когда-то Алехандро сказал ей, что по его опыту, люди вечно озабочены пустыми местами. Вещами, которых у них нет, гостями, которые не приходят на праздники. В Авалоне все крутится вокруг того, кто кого не трогает

и кто кому чего не говорит.

– Я туда заглянула совсем ненадолго, – сообщила Изола, рассеянно соскребая с ветки умирающего дерева натек живицы. – Потом я пошла в лес. Дедушка сказал, что в табуне родился новый жеребенок – мол, очень красивый.

– И ты его нашла?

– Нет, – призналась Изола. – Но там было так тихо, прямо до жути! Словно все животные выме...

Она осеклась и подпрыгнула от неожиданности: из кроны дерева, отчаянно щебеча, выпорхнула стайка зябликов. Птицы почуяли неладное до того, как Изола и Алехандро услышали шум – рокот, переросший в рев, словно под землей просыпался тролль.

Справа, из-за леса, где асфальтовая дорогая переходила в грунтовую, на улицу выехал фургон, натужно изрыгающий клубы черного дыма. Наконец, воющий двигатель умолк: машина остановилась у дома напротив. За фургоном следовали два автомобиля: скромный «универсал» с привязанным к крыше шезлонгом и элегантный городской седан.

– Новые соседи, – изрек очевидное Алехандро, с живым интересом разглядывая упакованную мебель. Те, кто загружал фургон, явно знали толк в тетрисе. Каркас кровати с грохотом приземлился на подъездную дорожку; следом рухнул со столба почтовый ящик – неуклюжий грузчик зацепил его краем деревянного стола. Изола пожала плечами:

– Передай мне оленя.

И продолжила наряжать дерево, пряча под украшениями и мишурой проплешины на коре и быстро буреющие листья. На новых жильцов она изо всех сил старалась не смотреть, прекрасно зная, каково это – когда на тебя тарачатся. Но все-таки она не выдержала. Подняв глаза на соседский дом из-под нарядных веток, она увидела:

? парня с черными волосами, сутулого с похмелья;

? парня, которого до сих пор видела только сквозь голубой туман.

Он перетаскивал вещи из «универсала» в дом. Бесконечные коробки с пожитками. Таинственными сокровищами.

Изола все еще пялилась на него, когда он достал из багажника очередную партию груза и зашагал к дому. Но тут парень внезапно развернулся – возможно, краем глаза заметив солнечные блики на разукрашенном дереве, – и посмотрел сквозь редкие ветви прямо на Изолу.

Александр он не увидел. Его не видел никто и никогда.

Парень помахал ей, не поднимая руки, – только пошевелил пальцами. Под правой мышкой у него был зажат розовый скейтборд, а под левой – коробка с надписью «ЧАСТИ ТЕЛА». Он дошел до конца своей подъездной дорожки, но дальше не сделал ни шагу. Изола ответила тем же – асфальтовая дорога между ними внезапно стала непреодолимой преградой, смоляной рекой Стикс.

Портрет Изолы Уайльд глазами трезвого Эдгара Аллана По

Он сразу же ее узнал. Темнота, шум и алкоголь лишь отчасти наводят морок. Днем Золушка выглядела как девочка:

? волосами, похожими на оригами. Будто какая-то японская школьница сбрызнула ладони холодным лаком для волос и попыталась придать каждой пряди форму некоего зверя. Все животные получились дикими, хоть иди и охотись. В сравнении с шевелюрой фигура девочки казалась хрупкой и безупречно аккуратной;

? изогнутыми бровями, подведенными карандашом цвета швейцарского шоколада, слишком темным по контрасту с вытравленными волосами;

? десятками алых лент, вплетенных в снежно-белые кудри;

? грязными босыми ногами и в перепачканном кремовом платье;

И она была одна (если не брать во внимание умирающую сливу, наряженную, словно увядающая распутница) и как будто совершенно довольна своим одиночеством.

Парень: оценка

Изола Уайльд отлично знала, что по одежке, да и по внешности вообще, судить о человеке бесполезно – если только вам не нужно определить, в какую именно эпоху тот скончался. Но она все равно отметила несколько отличительных черт Эдгара Аллана По, которые не разглядела прошлой ночью в дымном микрокосме кухни:

? парень был здоровенным. Высоким, широкоплечим, с крупными руками, слегка полноватым;

? он носил брекеты: серебристые замочки поблескивали как бриллианты;

? у него были большие торчащие уши с заостренными кончиками, словно у эльфийского подменыша;

? боевой шлем кудрявых черных волос.

? отчетливо сутулые плечи, словно, горбясь, парень пытался стать менее заметным.

– На этот раз скажешь свое настоящее имя, ясноглазка? – окликнул парень.

Изола присела в реверансе и слегка улыбнулась:

– Изола Уайльд.

Он фыркнул, и стало понятно – не поверил.

– Тогда я буду называть тебя Номер тридцать шесть, ладно?

– А ты, значит, новый Номер тридцать семь?

Эдгар Аллан По, он же Номер тридцать семь, кивнул. Из коробки с надписью «ЧАСТИ ТЕЛА» выпал джойстик от игровой приставки, и новый сосед Изолы поспешил спрятать его обратно.

– Эдгар! – Из дома вышла женщина среднего возраста, сутулая, как ее сын, со свежими пятнами краски на разноцветной хипповской юбке. – Ты мне нужен! Порция лезет к столовым приборам, а ты и сам знаешь, что она может натворить с ножами!

Эдгар Аллан По снова помахал Изоле, едва не уронив коробку. Попытался приподнять ношу чуть выше и крикнул:

– Увидимся, Аннабель Ли!

Изола вернулась к дереву и принялась вешать на сучки золотые колокольчики.

– Ты сказала ему свое настоящее имя, – тихо заметил Алехандро. Он прятал лицо за блестящей звездой, предназначенной для верхушки, но Изола по тону понимала, что он чувствует. Если бы она понюхала воздух, то учуяла бы этот запах, исходящий от Алехандро, словно сладковатый одеколон. Он буквально источал аромат ревности пополам с большой дозой любви и сильного желания защитить Изолу. Не только от царапин, тошноты и самоубийств по телевизору, но и от парней, от мужчин.

Алехандро оберегал Изолу, как и положено брату, – а он был братом Изолы с тех пор, как ей исполнилось четыре. Ее любимым братом. Первым из шести.

Изола в изоляции

Когда-то давно уже была одна Изола Уайльд, скончавшаяся в преклонном возрасте девяти лет в 1867 году. Младшая сестренка знаменитого Оскара. Вторую Изолу назвали в ее честь.

Мама Изолы любила Оскара Уайльда и всегда говорила, что, не будь он мертвым геем, она бы вышла за него замуж не раздумывая. Современная Изола часто задавалась вопросом, какой бы стала Изола девятнадцатого века, если бы дожила до более солидного возраста. Девять лет. Каждый год – словно одна кошачья жизнь.

Вторая Изола думала, что первая – настоящая – Изола Уайльд стала бы выдающейся леди, если бы судьба подарила ей такой шанс. Драматургом, поэтессой, художницей. Она была бы остроумной и саркастичной, как и ее брат, и писала бы мрачные и тяжелые книги с бархатистым лесбийским подтекстом, за которые ее, возможно, тоже бросили бы в тюрьму. Мятежница, лгунья, жертва, лидер. Как любой настоящий художник.

Вторая Изола не умерла в девять лет. На ее десятый день рождения по газону скакали дети с кусками покрытого глазурью торта и шустро лопали воздушные шары, парившие над землей на высоте щиколоток. Мама Уайльд, сидя в росистой тени сливы, усадила дочь на колени и прошептала ей на ухо о необходимости прожить свою жизнь вдвойне ярко – за себя и за свою предшественницу с трагической судьбой.

Став подростком, Изола слишком ярко красилась и страдала от чрезмерной худобы. Угловатые длинные конечности, словно набитые соломой, – как у куклы вуду, сделанной по образу модной девчонки.

Она носила армейские ботинки с черными шнурками и время от времени изобретала собственную моду. Ей только недавно исполнилось шестнадцать, и она обитала в собственной тайной вселенной, которую доктор однажды назвал «фантастическим полетом воображения». Родители давно позабыли о совете доктора подыгрывать Изоле в ее выдумках, но для нее вымышленный мир остался реальным и порой казался даже более материальным, чем твердая земля под ногами. Ее второе имя было Лилео. Ли-ле-о.

Изола любила то, что другим людям не нравилось, особенно если говорить о внешности. Она обожала неправильные прикусы, веснушки и круглые животики, растяжки и родимые пятна, косолапость и эльфийские острые уши.

Мама Уайльд всегда говорила, что изъяны – это изюминки. То есть нечто хорошее.

«Идеальных снежинок не бывает», – часто повторяла она, имея в виду, что люди с недостатками похожи на снежинки: все они уникальны. Или холодны.

Изола Уайльд была не просто холодной – ледяной. Лизнув себе запястье, она всегда ощущала на языке привкус соли. И она точно знала, как стала ледяной девочкой. Помнила это, как старый фильм, как прошлую жизнь.

Скульптор вырезал ее из куска айсберга, потопившего «Титаник». Он придал ей черты своей покойной дочери, чьи легкие однажды наполнились кровью до отказа: легкое покашливание в изящный кружевной платочек, крохотное алое пятнышко, точь-в-точь как то, что в один печальный день унесло и ее мать.

Закончив свою работу, скульптор перевез Изолу – Ледяную принцессу – из своей зимней мастерской в маленький домик на берегу залива и там, в зимней стуже, порывистой и холодной, будто фата невесты, брошенной у алтаря, не смел ни растопить печь, ни разжечь камин, чтобы не увидеть, как статуя заплачет и слезы потекут по ее ледяным рукам, словно кровь из рассеченных вен.

Когда зима подошла к концу, люди нашли синего, замерзшего насмерть скульптора и ледяную девочку с навеки застывшей злобной улыбкой на мертвых губах, такую красивую, что всем показалось неправильным прятать ее в холодном домике с видом на море. И ее перевезли на деревенскую площадь, и даже в самые жаркие летние дни она совсем не потела.

Но это была просто сказка.

Мертвая девочка

По дороге в школу во вторник Изола нашла в лесу Вивианы мертвую девочку.

Истощенное тело, замороженное голодом, как жертва концлагеря, висело на дереве. Не на веревке и не на длинной, как у Рапунцель, косе – нет, девочка сидела в тесной птичьей клетке, привалившись к облезлым прутьям раскрашенной решетки. Одна нога в полосатом чулке свисала наружу, покачиваясь, словно маятник.

На эту клетку Изола наткнулась, пока шла по следу невидимого стада. Она сошла со своей обычной тропы и кралась через лес в надежде, что вот-вот впереди мелькнет радужный хвост или послышится тихий перестук копыт. Она точно знала, что стадо где-то рядом. Оно обитало в лесу уже много лет. Но даже Изоле до сих пор так и не удалось его выследить – даже ей, единственной девочке в Авалоне, знавшей о единорогах!

Но при виде клетки она позабыла о стаде. Стоя под деревом, она считала, сколько раз качнется нога – маятник смерти, отмеряющий свои зловещие минуты. Лица Изола не видела – только грязную темную челку и серое платье. Она оглядела почерневшие серебряные пряжки на черных туфлях и стрелки на чулках – стрелки, которые бедная девочка не могла перевести назад. Изола нерешительно потянулась к ней.

– Если ты так и будешь здесь стоять, наверняка опоздаешь, – раздалось за спиной.

Она и не слышала, как он подошел: тень в полуденном зените. Изола опустила руку и прижалась к древесному стволу. Сплетенные ветви как будто сомкнулись вокруг нее в колдовском объятии.

– Иди в школу, – сказал Алехандро, вглядываясь в клубок спутанных ветвей в поисках сука, к которому была привязана клетка.

– Но нельзя же оставить ее просто так! – возразила Изола. – Надо снять ее отсюда.

– Ей уже ничем не помочь, *querida*. Иди, я останусь с ней. Нужно посмотреть...

Изола давно уже усвоила, что с самым старшим, самым мудрым и упрямым из всех ее братьев лучше не спорить. Она зашагала прочь по ковру из листьев, лишь иногда оглядываясь на Алехандро, который как замороженный стоял под деревом и смотрел на неподвижное тело в клетке.

Изола знала, что он хочет понять. Он хочет знать, вернется ли эта девочка. Останется ли в мире живых ее призрак.

Иногда было сложно сказать, простой ли это труп или будущий призрак.

Но привидений Изола Уайльд не боялась.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛЕХАНДРО: первый принц. Обожаемый страж, призрак юноши.

МЕРТВОЕ ТЕЛО: девочка, клетка, тайна.

Впервые Изола увидела привидение в четыре года; возможно, были и другие, еще раньше, но тех она не запомнила. И самым первым призраком, которого она встретила, был Алехандро: обаятельный молодой человек из викторианского Лондона, красивый, с оливковой кожей, доставшейся от мамы-испанки, и одетый как денди под стать своему отцу, вечно расфуфыренному, как павлин. Алехандро умер в двадцать четыре года в опиумном притоне, захлебнувшись в луже абсента, в которой плавали крашенные страусиные перья. Такая смерть полностью соответствовала образу его короткой жизни.

* * *

Школой Святой Димфны заправляли монахини. Они учили девочек, занимались административной работой и жили на территории школы, в нерабочее время порхая по двору, как слухи. Ученицы замечали их повседневную жизнь крошечными урывками: мокрые старушечьи бюстгальтеры на бельевой веревке в укромном дворике, корзина лимонов в кладовке, негасимые свечи в маленькой

часовне.

Было странно снова туда вернуться. Отчего-то каждый раз, выходя за кованые ворота в последний день учебного года, Изола не могла себе представить, что осенью снова в них войдет. Лязг за спиной казался ей концом главы, а впереди открывался чистый лист, на котором еще предстояло написать продолжение истории. Но вот она снова в школе, а Лоза сдержала обещание и не явилась, так что Изола все уроки до обеда просидела за партой одна.

Войдя на перемене в школьную часовню, Изола миновала сестру Мари-Бенедикт, старомодно одетую и с деревянным распятием у бедра. При ходьбе монахиня чем-то постукивала, и Изола не могла понять, стучат ли это друг о друга лишенные хрящевой ткани старческие кости или же бусины четок на испещренной пигментными пятнами шее. Встретившись с Изолой взглядом, сестра Мари торопливо перекрестилась.

Изола осталась одна вдыхать спертый воздух, пахнущий свечным воском и ангельской пылью, – историю сомкнутых в молитве потных рук и сошедшей с колен грешников грязи. Изола обошла часовню, разглядывая портреты святых на стенах. Бледные лица, обращенные к небу; рафаэлитские ангелы-крестоносцы с пылающими мечами.

В проходах висели портреты святой покровительницы школы: хрупкой ирландской девочки с блаженным взглядом, которую отец-язычник обезглавил, когда она отказалась вступить с ним в кровосмесительную связь. Благочестивая малышка лишилась головы в пятнадцать лет. Димфна покровительствует принцессам и психически больным – интересное сочетание. Отчасти из-за таких, как эта святая, Изола терпела религию. А еще – из-за часовни. Даже в своем одиночестве Изола каким-то образом чувствовала, что нарисованная девочка на ее стороне.

Кто-то приклеил записку к раме самого большого портрета святой Димфны. Изола подошла ближе, чтобы прочитать послание. Оно было заключено в пузырь у самого рта нарисованной девочки, и теперь святая Димфна молила любую забредшую сюда ученицу: «Эй, девочка! Не теряй головы!»

Изола хихикнула, и смех гулким эхом прокатился по часовне. Неудивительно, что сестра Мари перекрестилась, едва встретившись с ней взглядом. Выходя из

часовни, Изола постаралась не забыть и не обмакнуть кончики пальцев в чашу со святой водой. Священная жидкость не обожгла бы ее словно кислота, но наверняка ударила бы током. Разряд статического электричества вместо удара молнии. Отчетливое предупреждение.

Прозвенел звонок, по коридорам разнесся топот спешащих на урок учениц. Изола тоже направилась к своему классу, но на третьем этаже ее внимание привлекло что-то черное, похожее на расплавленную смолу. Оно просачивалось из-под двери туалета, которым никто не пользовался. Не замечая черного пятна, девочки наступали на него, но оно не расплескивалось и не меняло очертаний, а лишь подбиралось все ближе к Изоле.

Свет в коридоре замигал.

Одетые в синюю форму девочки расходились по классам, а Изола все стояла на месте, как неподвижный камешек, застрявший посреди ручья.

Дождавшись, пока последние школьницы скроются из виду, она открыла дверь в туалет, на ходу пытаясь припомнить, почему им никто не пользовался. Насыщенный влагой воздух, полутьма; стены, расписанные признаниями в любви, оскорблениями в адрес других девочек и грубыми карикатурами на монахинь. На одной из стен висел большой ржавый бак – древняя мусоросжигательная печь, от которой пахло дымом, хотя ее никогда не включали. Уродливые люминесцентные лампы мигали и здесь, отбрасывая тени на влажный пол и выхватывая из полумрака две фигуры.

Женщина в черном стояла спиной к Изоле и рассматривала себя в заляпанном зеркале. Увидела в отражении вошедшую и улыбнулась, а Изола удивленно воскликнула:

– Руслана!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

РУСЛАНА: третий принц. Фурия и неистовая воительница. Ко всем своим обещаниям Изоле относится как к клятвам на крови.

– Здравствуй, Изола.

Свет лампы дрожал, словно крылья мотылька. Руслана была созданием тьмы, и вполне понятно, что свет, пусть даже и электрический, благоразумно избегал ее.

Из шести принцев Руслана была самой пугающей и самой могущественной. Она выглядела как человек, пока не присмотришься получше. Темные глубоко посаженные глаза, похожие на камешки со дна океана. Птичьи когти вместо ногтей. Жесткие черные волосы, которые она никогда не расчесывала, заплетены в косу. Глаза густо подведены черным, на предплечьях – выцветшие татуировки. Темно-вишневые губы с острыми краями, способными отрезать конечность. В мочках ушей – самоцветы. И под одеждой – целый арсенал оружия.

Руслана носила огромную чернильно-черную накидку с капюшоном, которая казалась живой: подол словно сам по себе шевелился, поглощая все, что попадалось ему на пути. Однажды Руслана показала Изоле изображения фурий в старинных греческих книгах: птицеподобные старухи, убивавшие мужчин только потому, что те были носителями Y-хромосомы. Цель самой Русланы была более конкретной.

И вот эта фурия в темных одеждах стоит перед зеркалом: затянутая поясом талия, юбка с разрезом до бедра, серебряный воинский нагрудник. Не призрак, потому что никогда не была человеком, Руслана воплощала сам дух женского возмездия.

Но правила, которые в свое время установил Алехандро, распространялись и на нее.

Никто из тайных братьев Изолы не навещал ее в школе, как бы она ни нервничала перед публичным выступлением и как бы им ни хотелось посмотреть, как она участвует в гонке с препятствиями на осеннем спортивном карнавале. Алехандро уже давно и недвусмысленно настоял на своем: братьям нет места в той жизни, которую Изола ведет без них.

– Она так и не впишется в общество, – сказал он тогда, – если мы все время будем рядом.

– Что ты здесь делаешь? – Изола пыталась сдержать волнение: с хорошими новостями Руслана сюда бы не пришла. И действительно, фурия тяжело вздохнула и привалилась к грязной раковине. Накидка из ночного мрака всколыхнулась и стала еще темнее.

– Насчет той девочки, – сказала Руслана. – Алехандро показал мне тело.

– Вы выяснили, что с ней случилось?

Высокая женщина мрачно кивнула.

– Птицы знают, – промолвила она. – Они рассказали феям, а те были очень рады поделиться со мной.

– Не сомневаюсь, – нахмурилась Изола. Слишком уж явно эти создания радовались, когда случалось что-то ужасное.

– О, не будь к ним слишком строга, – ласково упрекнула ее Руслана. – Знаю, эти крошки порой чересчур драматизируют, но вряд ли они стали бы лгать о таком. Хотя, возможно, кое-что и приукрасили...

– Расскажи.

– В лесу Вивианы живет ведьма, – сообщила Руслана. – Не настоящий человек, а какое-то злобное существо. Говорят, она поселилась там недавно. Она любит музыку, и теперь все птицы в лесу умолкли и попрятались – боятся, что она их переловит. И вот эта лесная ведьма похитила девочку с прелестным голоском, посадила ее в клетку, как певчую птицу, и заставила петь ей песни. Когда девочка вконец охрипла и потеряла голос, ведьма бросила ее умирать.

Руслана примостилась на краешке раковины и скрестила невозможно длинные ноги. Сама того не заметив, она перешла на тон сказительницы и заговорила напевно, совсем как мама Уайльд в далеком детстве, когда читала дочери сказки.

– Недели, а может, и месяцы все птички в лесу слушали, как девочка поет. Когда пение смолкло, они собрались вокруг клетки и предложили принести пленнице

семян и жучков, чтобы она смогла выжить и дожждаться спасения. Но девочка сказала им: «Пожалуйста, выключите мне глаз и отнесите моему отцу. Он волшебник, и он поймет, что надо сделать».

Птицы принялись спорить, но девочка прохрипела истерзанным горлом: «Отнесите мой глаз отцу, чтобы он увидел все то, что видела я. Тогда он узнает, кто меня погубил». И тогда вороны и воробьи выклевали ей правый глаз своими острыми клювами, а потом из жалости расклевали ей запястья, и нашли тонкие жилы, по которым текла кровь, и вытянули их, словно червячков. Полуслепая и безголосая, девочка быстро истекла кровью, а птицы отнесли ее глаз отцу, королю маленькой бедной страны. Он оплакал свою дочь, но поблагодарил воробьев и призвал придворного шамана, чтобы тот провел ритуал и показал королю все то, что пережила его дочь. И в отражении мертвой радужки король увидел лесную ведьму и узнал в ней свою первую жену и мать его дочери – прежнюю королеву маленькой бедной страны. Король увидел, как она привязывает к дереву их родное дитя; увидел, как она заставляет их родное дитя петь до смерти.

Руслана мрачно побарабанила когтями по растрескавшейся фаянсовой раковине. Изола нахмурилась: история была душераздирающей, но высокой фурии наверняка доводилось слышать кое-что и похуже. С чего бы именно этот случай так ее огорчил?

– Что не так, Руслана?

Фурия скрестила мускулистые руки на груди и опустила глаза.

– Слишком близко, – буркнула она после долгой паузы. – Она умерла в лесу Вивианы... Не могу понять, как это прошло мимо меня.

– Ты же не отвечаешь за всех девочек в мире.

– Но за тебя отвечаю. Я должна была заметить. Должна была почувствовать ее боль.

От тихого стука по стеклу обе вздрогнули. Плащ Русланы чернилами пополз к окну, и фурия одернула скользкую ткань, а затем подошла и открыла створку. Крошечный шарик розового света впорхнул в туалет и опустился на плечо

фурии.

- Ты ей рассказала? – задыхаясь, прошептало маленькое существо.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЦВЕТОЧЕК: пятый принц. Остроумная фея, обожающая сплетни и театральность.

- Изола, ну разве не потрясающе? – продолжила Цветочек. – Убийство прямо у нас на пороге! – Яркий шарик света померк, и стала отчетливо видна миниатюрная девушка, цепляющаяся за косу Русланы. – Как в тех страшных сказках! – с улыбкой добавила она, не пытаясь скрыть свой восторг.

В последнем фея была права – и впрямь похоже на сказки братьев Гримм. Но «потрясающе» – все-таки не то слово. «Уж эти мне чокнутые феи...» – проворчала про себя Изола.

- И знаешь что? – продолжала щебетать Цветочек, дергая фурию за волосы. – Ведьма тоже до сих пор в лесу!

Изола покачала головой, внезапно ослабев. Лес всегда манил ее, словно она незримой пуповиной была связана с его землей и тишиной. Но теперь ей вдруг показалось, что он ее предал, приютив убийцу и допустив, чтобы бедная девочка истекла кровью в птичьей клетке. Лес мог бы позвать на помощь, но так и не дал никому знать о своей беде даже легким ветерком в сосновых иглах.

- Тихо, – шикнула Руслана, и Цветочек шустро захлопнула рот, как всегда беспрекословно подчиняясь огромной повелительнице ночи. Руслана плотнее запахнула накидку, и лампа под потолком перестала трещать и мигать. Прежде чем исчезнуть, фурия пронизательно посмотрела на Изолу и тихо, печально сказала:

- Не возвращайся сегодня домой через лес, Изола.

* * *

Изола позвонила Джеймсу – второму в списке людей, которым доверяла.

На первый звонок никто не ответил. Она снова набрала номер, и на сей раз Джеймс снял трубку мгновенно. Он все еще дулся на Изолу и всеми возможными способами ей это демонстрировал.

– Что, – проворчал он, даже не утруждая себя вопросительной интонацией.

– Потусуемся?

Когда закончились уроки, Джеймс ждал у ворот и хмуро курил. Все девочки бросали на него взгляды. Некоторые даже вздыхали, явно пораженные присутствием юноши на территории школы, пусть и всего лишь на границе владений монахинь.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЖЕЙМС СОММЕРВЕЛЛ: второй принц.

Статус отношений: в настоящее время натянутые.

Это был Джеймс: нервные пальцы, шрамы от угрей, футболка с вечно растянутой горловиной, словно он каждый день спасался от удушья. Худощавое, как у Игги Попа, тело, мышцы, похожие на панцири насекомых. Самый старый друг Изолы из плоти и крови и ее второй воображаемый брат.

При виде Изолы на его лице отразились противоречивые эмоции: до странного концентрированное счастье боролось с показной апатией.

– Привет, – пробубнил Джеймс (апатия победила). Докурив до фильтра, он затоптал окурок каблуком и оставил его, словно подарок на память, у ворот.

– А подружка где? – негромко поинтересовался Джеймс, когда они с Изолой зашагали прочь от старой монастырской школы.

– Вне игры.

– Ах да. Наслышан про ту вечеринку, – кивнул Джеймс, почесывая щетинистую щеку.

На Главной улице они зашли в маленькое кафе и купили капучино в стаканчиках из тонкого картона. Изола заглянула в соседний цветочный магазин и, пока флорист отвернулся обрызгать розы, стянула пучок фиолетовых гиацинтов. Спрятала их в рюкзак и вернулась к Джеймсу. Они двинулись дальше.

Джеймс жил в шумном спальном районе. Мужчина в оранжевой робе спиливал последнее на улице дерево, а рядом строились три новых дома – три огромных скелета, выставившие напоказ голые кости. От этой индустриальной какофонии Изола скривилась, пытаясь не представлять вой бензопилы криками умирающего дерева. «Это не лес Вивианы, это совсем другое место», – жестко напомнила она себе, но все равно невольно ускорила шаг.

Мужчина на стремянке оскорбительно присвистнул, когда они проходили мимо. Все рабочие рассмеялись.

Краем глаза Изола заметила, как жилы на шее Джеймса вздуваются, а руки сжимаются в кулаки. Но она даже не замедлила шага – не хотела устраивать скандал. Если Джеймс разозлится, то будет остывать еще не один час. Уже в конце улицы она оглянулась через плечо и показала наглецам средний палец.

Дворами они пропетляли до дома Соммервеллов, который стоял в стороне от городских улиц, уходящих в долину. На улице, где жил Джеймс, тоже не осталось ни одного дерева.

Комната Джеймса была на втором этаже: причудливый гибрид доживающего последние дни музыкального магазинчика, кинотеатра и уютного маленького наркопритона. В углу ленивый питон терся холодным животом о стенку террариума. На телеэкране круглосуточно мелькали кадры из фильмов Тарантино, словно лоскуток китчевых обоев с движущейся картинкой.

Наверху было жарко; казалось, в воздухе витают невысказанные слова о ее последнем визите. Воспоминания мелькали, будто кадры из любимых кинофильмов Джеймса. С того дня они не разговаривали, и Изола вернулась сюда, не подготовившись как следует. Ни извинений, ни обещаний забыть о прошлом и начать все с чистого листа. Другая девочка избегала бы Джеймса до тех пор, пока свежепролитая неловкость не высохла бы окончательно. Но Изола не была другой девочкой и не верила, что такая неловкость может испариться совсем.

Одним словом, Изола не продумала примирение.

Джеймс растянулся на кровати, как всегда незаправленной. На лице его заиграли отсветы от экрана, где в сотый раз шло «Криминальное чтиво». Изола села на ковер и тяжело задышала, внезапно занервничав. Какой черт ее дернул сюда заявиться? А потом она вспомнила, почему сегодня днем не пошла домой через лес и из-за чего так обеспокоилась, что даже позвонила принцу своего детства...

Рука Джеймса свисала с кровати, покачиваясь рядом с Изой, которой до дрожи хотелось по ней хлопнуть. Она снова встала и зашвырнула рюкзак в дальний угол. Комната Джеймса по цвету напоминала синяк: шторы плотно задернуты, единственный источник света – болезненно-синее свечение экрана. Изола провела пальцем по стопке DVD и прищурилась, разбирая названия на корешках. Почти все эти фильмы она уже видела – а, значит, Джеймс пересмотрел каждый из них с десятков раз. Изола пропихнула палец в щель на крышке террариума. Питон лениво приоткрыл один глаз и снова закрыл, величественно игнорируя вторжение.

Изола улыбнулась и решила взять питона за образец для подражания: научиться жить, как он, не заботясь ни о чем. Тратить больше времени на сон на теплых плоских камнях.

– Хороший совет, змей.

– Что? – переключился на нее Джеймс. – Что ты сказала?

– Да так, дурака валяю, – ответила она.

Джеймс покачал головой.

- Блин, ты говоришь так много странного.

- «Блин» - по-прежнему твое любимое слово? - заинтересованно спросила Изола. - Мне вот нравится слово «правдоподобие». А Толкин говорил, что самое красивое словосочетание - «подвальная дверь».

- Его, очевидно, никогда не запирали в подвале.

Изола снова перевела взгляд на питона.

- Есть мыши?

Джеймс взял пульт и приглушил Тарантино.

- Ты собираешься мне рассказать, что произошло?

Изола покачала головой.

- «Нет, ничего не произошло» или «нет, не собираюсь»? - переспросил он и, так и не дождавшись ответа, задал следующий вопрос: - Ну, а что сегодня было в школе?

Змея подняла голову, как замороженная следя взглядом за кольцом, болтающимся на ожерелье Изолы.

- Да ничего особенного, - отозвалась Изола. - Я сходила в часовню и пообедала под старым органом. Одна монашка, между прочим, отвела взгляд, когда меня увидела, - добавила она с притворной обидой.

- Наверное, удивилась, что тебя гром не разразил, - хохотнул Джеймс. - Как там та другая монашка тебя однажды назвала? Дикаркой? Дикарка Уайльд...

В мгновение ока Изола вновь, как наяву, увидела деревья, услышала зловещий скрип подвешенной клетки. Шорох шагов Алехандро. Чирикание воробья,

выклевывающего красную ниточку вены и выхватывающего глазное яблоко из глазницы.

Вспомнив, что надо дышать, она отвернулась к террариуму. Джеймс не заметил – он снова уткнулся в телевизор, хотя видел этот фильм уже столько раз, что мог бы произносить реплики в один голос с актерами.

– Я сегодня нашла в лесу труп, – произнесла Изола, сдвигая стеклянную крышку террариума. – Можно его достать?

Перестрелка на экране заполнила паузу.

– Изола, что ты сказала?

– Можно его достать? – Она уже залезла в террариум, вытащила питона и обернула вокруг шеи, словно огромный гротескный шарф. Змея заерзала, пытаясь устроиться у нее на шее поудобнее.

Джеймс протянул руку за пультом, и экран погас. Молчание тянулось, будто резина.

– Изола! – Джеймс наконец обрел дар речи. – Труп? Ты это серьезно?

Изола упорно отводила взгляд.

– А-а. Да, это правда. – Она словно обращалась к питону, а не к Джеймсу.

– Но ты... кому ты об этом рассказала?

– Тебе.

– Изола! Я... Проклятье... С тобой все нормально?

Любопытная маленькая голова питона исчезла под рубашкой Изолы. Пытаясь вытащить проказника из бюстгальтера, она рассеянно отозвалась:

– Со мной-то – да. А вот с ней – нет. Она была в птичьей клетке... привязанной к дереву.

Слова повисли в воздухе, как те ноги в полосатых чулках, и Изола осознала, насколько странно и нелепо это прозвучало здесь, в комнате Джеймса. Она услышала протяжный выдох и, наконец, повернулась лицом к другу.

Пепельное лицо Джеймса, казалось, расслабилось под ее взглядом; остекленевшие глаза моргнули, увлажняя пересохшие роговицы.

– Блин, – снова сказал он, – из-за тебя у меня чуть инфаркт не приключился. И зачем... зачем ты это делаешь? – Облегчение миновало: теперь Джеймс смотрел на нее сердито. – Зачем рассказываешь сказки так, будто говоришь правду?

– Но это правда! – горячо запротестовала Изола. – В последнее время везде одни трупы: сначала то самоубийство в прямом эфире, а теперь вот это. Мертвая девочка до сих пор в лесу, могу тебе показать...

– Ты видела то самоубийство? Ну, на ярмарке? – обеспокоенно перебил Джеймс.

– Да, но...

– Изола. Посмотри на меня. – Он артикулировал так четко, будто разговаривал с глухой. – Ты утверждаешь, что правда нашла в лесу труп?

– Да, и эта девочка на самом деле была принцессой и...

Джеймс резко встал, кровь отхлынула от его лица.

– Где ты этого наслушалась? Кто тебя пичкает этой ерундой?

В эту минуту он походил на папу Уайльда. Изола почувствовала, что краснеет, и в свою защиту произнесла:

– В последний раз ты мне даже не поверил...

Джеймс истерически хохотнул.

– Дай-ка угадаю: тебе об этом трупке рассказали феи? – Он прищелкнул пальцами. – Как там ее звали? Цветок? Цветочек?

Изола поморщилась, уже зная, что он скажет дальше.

– Изола, Цветочка не существует.

Изола невольно бросила взгляд на свой рюкзак, в котором лежали украденные гиацинты.

Несколько лет назад Джеймс потребовал от нее объяснений: зачем она постоянно ворует цветы? Изола рассказала ему, что обязана кормить садовую фею по имени Цветочек. Цветочек с радостью слопала бы весь укромный садик мамы Уайльд, и, чтобы этого не допустить, Изола приносила домой цветы из леса Вивианы и тайком срезала их в чужих садах и на ухоженных клумбах школы Святой Димфны. Иногда она заглядывала в цветочный магазин на Главной улице и притворялась, что внимательно изучает пакетики с семенами и специальные предложения ко Дню святого Валентина, а сама тайком совала душистые лепестки в карман блейзера.

Даже после того, как Джеймс над ней посмеялся, Изола не стала скрывать, что по-прежнему ворует цветы. Они нужны Цветочку, и что тут еще объяснять?

Внезапно с этой змеей на шее Изола почувствовала себя очень глупой – совсем как Ева. Зря она разболтала Джеймсу о феях, о своих тайных друзьях. Он решил, что она чокнутая.

А ведь он и половины всего не знал.

Изола раскрыла ему свою тайну только потому, что проводила с ним слишком много времени. Джеймс часто замечал, как она отвлекается и как улыбается пустым углам. И что-то подтолкнуло ее рассказать ему о крохотной маленькой подружке, но Джеймс, конечно же, не поверил, да и с чего Изола на это надеялась? Он видел все-все фильмы о Питере Пэне, но так и не поверил в страну Нетинебудет.

Когда-то Джеймс и сам жил среди зелени, но теперь его лес вырубили – этот квартал превратился в плешь на макушке долины. Может быть, именно поэтому мир Изола казался ему лишь фантазией.

Изола опустила глаза, а Джеймс потер переносицу, унимая раздражение. Что-то в душе Изола содрогнулось от отвращения и захотело уползти куда-нибудь подальше зализать раны: Изола заметила злость во взгляде Джеймса и поняла, что эта частица души оледеневает, чтобы не чувствовать больше ничего.

– Изола... Перестань уже, наконец, молоть чушь! Ты говоришь совсем как твоя мамаша!

Понадобилось время, чтобы снять с себя рептилию, поэтому эффектно хлопнуть дверью не получилось. Когда питон наконец-то отлепился от шеи, Изола сунула его в террариум и молча удалилась. Остановившись на подъездной дорожке, она с досады пнула переднее колесо машины Джеймса, а затем написала пальцем на грязном ветровом стекле:

ПРОСТИ

И.Л.У.

Украшение смерти и девочки иного рода

В пятницу днем Изола обнаружила, что мама Уайльд добавила к смертному одру сливы рождественский вертеп и расставила в сухой листве полосатые леденцы-посохи – пластмассовые вперемешку с настоящими. Мятные полосы напомнили Изоле о чулках мертвой девочки, и ее передернуло. Она прошла мимо сливы по ухоженному палисаднику, который в ее воображении всегда был тайным садом с невидимыми каменными стенами. Все здесь – дело рук мамы, каждый цветущий куст жимолости или жасмина. Мама давно перестала ухаживать за растениями, но теперь сад казался еще краше, цветы вопреки всему.

– Эй, Изола! – крикнул кто-то из кустика лаванды. – Мне нравится, что ты сотворила со сливой! Украшать смерть – настолько в твоём духе!

Винзор. Изола, как всегда, просто прошла мимо: с этой задиристой садовой феей она была на ножах, сколько себя помнила.

* * *

Мама проспала большую часть субботы. Отец взял дополнительную смену. Солнце стеснительно выглядывало из-за туч, а Изола разложила клетчатый плед в тени сливы. Открыла свою любимую книгу и начала листать страницы, выбирая, что бы почитать.

Самая любимая книга Изолы:

les Fables et les Contes de Fees de Pardieu или «Басни и сказки Пардьё»

Автор: Лилео Пардьё

Воспоминание: Изола – совсем ещё кроха с молочными зубами и пахнущая молоком. Вьющиеся без плойки волосы и перепачканные милые платица. Подрастая, она требовала перед сном сказку о героях, которых любят все дети: о Русалочке, о Гензеле и Гретель, о Красавице и Чудовище...

Даже тогда мама Уайльд не скрывала презрения к сказкам, написанным кем угодно, кроме Пардьё.

– Фу, – с отвращением фыркала она, присаживаясь на кровать дочери. – Послушай меня, Изола. «Красавицу и Чудовище» сочинили для того, чтобы примирить юных девушек с браком по расчету. Вот что эта сказка вкладывает в умы впечатлительных девочек: «Не бойся, что твой муж вдвое старше тебя, или некрасивый, или страшный! Если будешь милой и послушной, то вполне может оказаться, что он заколдованный принц!»

Совет, который мама повторяла чаще всего:

«Никогда не будь такой, Изола. Никогда не выбирай чудовище или волка, полагаясь на ничтожную вероятность, что он тебя не съест».

Изола быстро поняла, что единственные сказки, которые мама всегда рассказывает с удовольствием, написаны Лилео Пардые. Мама рассказывала их по памяти, в переводе с французского, на котором они были написаны.

Наконец получив драгоценную редкую книгу Пардые в подарок на свой десятый день рождения, Изола с ужасом поняла, что сказки в книге слегка отличаются от тех, что рассказывала мама, причем совсем не так, как можно было ожидать. Мама никогда не вымарывала неприятную правду даже из тех классических сказок, которые все же изредка читала Изоле перед сном: Златовласку раздирали на куски или она ломала шею, выпав из окна медвежьей избушки, а охотник всегда не успевал спасти Красную Шапочку. Но сказки Пардые она, наоборот, слегка смягчала, подсвечивая ту правдивую тьму, которая никогда не пыталась зажечь свечи, никогда не пробовала скрасить несчастливый конец или прикрыть ужас моралью. На деле же эти сказки раз за разом напоминали, что зло порождает зло, с хорошими людьми часто случаются неприятности, а злодеи время от времени торжествуют. И, самое главное, что быть девочкой в этом ужасном мире – это все равно что быть одновременно принцессой, злой королевой, героиней, уродливой падчерицей, ведьмой, феей, ребенком и матерью: эдакая взрывоопасная смесь, бомба, перевязанная ленточкой и неумолимо отсчитывающая секунды – тик-так, тик-так! – за высокими стенами замка.

Рано или поздно она взорвется – как вскоре случилось и с мамой.

Огромная книга была в кожаном переплете с золотым тиснением. Ее словно сбросили с книжной полки лесной колдуньи, когда беснующаяся толпа разнесла ее домик, а хозяйку за волосы утащила на деревенскую площадь и посадила на смазанный маслом кол. Каллиграфическая надпись на первой странице гласила:

Дорогая читательница!

Эти сказки, басни и воспоминания так или иначе правдивы. Эти истории – о тебе и обо мне. В них ты встретишь:

– девочек, которые убивают;

– девочек, которых убивают;

– живых девочек

– и девочек иного рода.

Изоле всегда нравилась последняя строчка – «девочек иного рода», красивый эвфемизм вместо простого «мертвых». Мертвых во всех смыслах этого слова, в каких только возможно.

На последней странице книги размещалась фотография автора. Лилео Пардые сидела на диванчике на крыльце и курила гвоздичную сигарету, а дым поднимался вверх голографическими стрекозами. Глаза густо подведены черным карандашом, словно кровью тролля. Черные волосы уложены в графичный боб. Сапоги, как у киборга. Эпилог: прищуренные глаза и скрещенные руки и ноги, тощие, как у лягушки.

Лилео совсем не походила на сказочницу – скорее на Снежную королеву, разъезжающую по небу в карете и меняющую сердца на снег. Внезапно Изоле захотелось (почти больше всего на свете, даже больше того, чтобы выздоровела мама) сунуть руку в щель во времени и пространстве, в крохотный портал, спрятанный в корешке книги, и вытащить Лилео Пардые на свет прямо за ее жесткие французские волосы. Они будут липкими, словно у новорожденной, и Лилео и Изола, разлученные десятилетиями, океанами и смертью близнецы, наконец воссоединятся.

Изола вырвала несколько травинок и прикусила язык, остановившись на первой же странице. Первая же сказка в книге затрагивала две любимые темы Изолы: смерть и принцесс. Легкий ветерок утих, приготовившись слушать, и Изола начала читать украшенной сливе, словно посетительница у больничной койки пациента:

«Могила Спящей красавицы» Лилео Пардые

Сказка наоборот. Судьба угрюма, как братья Гримм. У фей не бывает хвостов – только пушистые зеленые шкурки, глаза-самоцветы и несметные богатства.

Принц имел очаровательную привычку запирает принцесс в башне. У него были ядовитые глаза цвета фейской шкурки и ведьминых яблок, покрытых росой.

Это иероглифы.

Слова-картинки. Вы все знаете эту историю.

Принцесса заперта в башне, у нее длинные волосы и кроваво-красные губы. Волшебные зеркала – плохие советчики, как говорила Кассандра. Принцесса думала о побеге, но на своих хрустальных ножках никак не могла бы убежать далеко.

Фея-крестная, зеленокожая и с рубиновыми глазами подарила ей шелковое платье и наперсток с волшебной пылью. Пыльцы немного, полететь не получится, но парить – вполне.

Мачеха бежит ее спасать. Драконы с забитыми коготью глотками. Стрелы влетают в бойницы башни. Розы оплетают древки стрел. Кто-то любит принцессу.

Но мачеха запутывается в непроходимой изгороди роз. Тело гниет в колючих кустах.

Неспящая красавица долго не ложится спать. Бессонная красавица. Звезды – плохие советчики, как говорила Кассандра. Хрустальные ножки начинают трескаться от бесконечной ходьбы туда-сюда и вальсов, которые ее заставляют танцевать принц.

Шелковое платье вскоре превращается в рубище. Принцесса вдыхает золотистую дурмящую пыльцу и воспаряет к потолку своей комнаты в башне. Среди теней и паутины она набирается смелости.

Голубоглазая блондинка мастерит из своей косы веревку. Все крюки в башне и все камни, из которых она сложена, походят на книгу, рассказывающую лишь одну трагическую сказку. Несколько часов веревка покачивается на ветру, потом волосы рвутся, и тело падает на землю. Розы у подножия башни, могила Недремлющей красавицы. Наконец уснувшей.

Постель из роз стала последним пристанищем для Спящей красавицы.

Как только ее хрустальные пальчики врезались в могильную землю, вспыхнул мятеж. Восстание, огонь и железо. Принца линчевали в бальном зале – задушили волосами покойницы. Монархия осталась в прошлом. Отныне королевство само выбирало себе правителя.

И, конечно же, народ усадил на трон волка.

Мертвая девочка. Часть II

Мертвая девочка из леса сидела на подоконнике в комнате Изолы. Комнату освещала луна, похожая на дирижабль.

Изола увидела девочку как искру света феи Динь-Динь – лунный зайчик от серебряного украшения на запястье гостя заплясал на лице спящей Изолы и насторожил ее, словно маяк, предостерегающий о скалах и опасных берегах.

Изола проснулась, сбросила одеяло и села.

Обе ждали, пока заговорит другая. Луна затаила дыхание, пахнущее звездами.

– Привет, мертвая девочка, – наконец произнесла Изола: хозяева должны быть вежливыми.

– Привет, девочка с бьющимся сердцем, – отозвалась незваная гостья. – Колотится, как барабан, так громко. Прикрути его, а?

Изола не знала, что на это ответить. Призраки часто говорили странные вещи, словно вели беседу в полусне, одной ногой отчаянно цепляясь за порог мира живых, откуда их так бесцеремонно вышвырнули. Иногда они ошибочно принимали Изолу за своего давнего друга или врага. А иногда связывали свои судьбы с красной ниточкой ее жизни, и тех, кто делал так, она привыкала называть братьями.

Мертвая девочка на подоконнике слегка изменила позу, устроившись поудобнее. Луна и уличные фонари очерчивали ее силуэт. Кукла из театра теней, только в полосатых чулках.

– Ты видишь призраков, странное маленькое создание. Интересно, почему? – Одна полосатая нога качнулась и пнула книжный шкаф. Бледные губы скривились в недоброй усмешке. – Глазастая И-зо-ла. Должно быть, ты особенная.

– Я просто внимательная, – пожала плечами Изола.

Серебряный браслет на запястье покойницы походил на кандалы. Половинка наручников. Наверное, девочка заметила взгляд Изолы, потому что подняла руку с болтающимся «браслетом» и велела:

– Подойди и посмотри.

Изола с опаской выбралась из кровати и, остановившись в центре комнаты, с безопасного расстояния рассмотрела запястье собеседницы.

– Это браслет с брелоками, – гордо пояснила мертвая девочка.

Серебряные брелоки изображали фазы луны: каждый крепился к браслету цепочкой, а все вместе они мелодично позвякивали, когда девочка встряхивала рукой. Вокруг запястья в строгом порядке шли молодой месяц, растущая луна, половинка, горбатая луна, полнолуние и старая луна, идущая на ущерб.

- Красивый, - похвалила Изола. - Как тебя зовут?

- Красивый, да? - Девочка пропустила второй вопрос и улыбнулась браслету. - Его мне мама подарила.

- О.

Лицо девочки все еще трудно было разглядеть за темными волосами, но она по-прежнему казалась тощей, как Смерть на диете, а сорванный голос шуршал, как обертки от конфет. Феи не солгали.

- Так как тебя зовут? - снова попытала счастья Изола. Как она давно поняла, призракам нравилось говорить о себе. Их истории, лица и имена - единственное, что осталось от них в мире живых. - Я - Изола.

- Я это уже знаю, ты меня что, не слушала? - рявкнула мертвая девочка, стукнув кулаком по подоконнику. - А мне говорили, ты умная!

- Прости, - извинилась Изола, хотя не чувствовала себя виноватой. Алехандро всегда советовал ей быть осторожной в разговорах с незнакомыми привидениями - некоторые из них были способны на ярость и насилие, и лучше исходить из того, что они все такие. Если речь о призраках, все незнакомое опасно.

Словно устав от общества Изолы, мертвая девочка подобрала ноги под себя, готовясь спрыгнуть с подоконника.

- Что ж, если ты все-таки умная девочка... - Она склонила голову и улыбнулась Изоле. Луна подсветила пустую глазницу, - ...то будешь держаться подальше от проклятого леса.

Тихие голоса

- Где ты был все выходные?

– А что? – Алехандро взъерошил ей волосы. – Скучала по мне, querida?

Изола тут же пригладила прическу и хмуро ответила:

– Нет. Ко мне приходила гостья.

Алехандро наклонился и поцеловал ее в щеку. Изола вытерлась.

Под глазами у Алехандро постоянно темнели круги, совсем как у Изолы по утрам, если она не смывала тушь перед сном. У обоих были тонкие жеребьячи ноги, вот только худоба Алехандро объяснялась юностью, прошедшей в наркотическом угаре. Его сногшибательный костюм (в котором он и умер) являл собой последний писк викторианской моды. Алехандро каждый день привносил в свой облик что-то новое, хотя тот простой факт, что он мертв, навеки делал его неизменным. Свой темно-фиолетовый шейный платок он повязывал то как галстук, то как повязку на голову, то как нарукавник. По-разному закалывал бриллиантовые запонки на кружевных манжетах и карманах пальто, иногда выстраивая их в созвездия. На день рождения Изолы он выложил бриллиантами на накрахмаленном лацкане цифру «16».

Когда они вошли в лес Вивианы, Алехандро молча забрал у Изолы рюкзак. Вечный джентльмен.

– Итак, могу я полюбопытствовать, кем ты меня заменила?

– Соберись я тебя заменить, то выбрала бы кого-нибудь поживее ее – той девочки, которую мы видели на прошлой неделе. Мертвой, в клетке.

Алехандро напрягся.

– Что ей было нужно?

– Ну, сначала она попросила сделать так, чтобы мое сердце билось потише. А потом велела держаться подальше от проклятого леса.

Алехандро нервно подергал шелковый шейный платок.

– Я не стану делать ни того, ни другого, – заявила Изола, встряхивая белыми как снег волосами. – Это мое сердце. И мой лес. Я пришла сюда первой.

– Мне это не нравится, Изола. – Брови Алехандро сошлись на переносице. – Если Цветочек сказала правду о том... что случилось... Подобная смерть может плохо влиять на людей. Ломать их.

Изола слишком хорошо помнила свисающую из тесной клетки ногу. Она поежилась и отрывисто бросила:

– С каких это пор Цветочек хоть что-то понимает?

– К феям стоит прислушаться, Изола, – продолжил увещевать ее Алехандро. – Голосок у них тихий, но они не бросают слов на ветер.

Изола лишь повела плечами. Она не хотела верить, что это правда... но все же она своими глазами видела пустую глазницу и слышала скрипучий голос, похожий на старую пластинку с записью девичьей речи.

– Что случилось с телом?

– Я его оставил на корм единорогам.

– Жестоко, – пробормотала Изола.

– Она уже мертва, querida. Думаю, более жестоко позволить стаду голодать еще одну зиму.

* * *

Лоза наконец-то появилась в школе, вернувшись к занятиям позже всех. Она бережно поддерживала согнутую руку в гипсе, словно драгоценного птенца.

– Семь дней постельного режима? Из-за этого? – поддразнила ее Изола.

– Я не тратила время зря! – обиженно отозвалась Лоза. – Вот, смотри! Я стала амбидекстром.

Она весь день писала на уроках левой рукой и плохо скрывала свою радость, вручая учителям листки, исписанные белибердой, хотя каждая монахиня раздраженно ей втолковывала, что можно не сдавать вообще ничего. Лоза восприняла это как вызов и начала писать контрольную по математике, зажав ручку в зубах.

Урок рисования после обеда Изола провела, лениво разрисовывая гипс Лозы: темно-фиолетовые грозди винограда, розовые феи, пустая птичья клетка...

– Жаль, что ты все пропустила, – тем временем тараторила Лоза. – Было так смешно: я подбежала и столкнула Магеллу в бассейн, а она выскочила из воды и погналась за мной, а я – по лестнице вверх, налетела на Элли Блайт Неттл – помнишь ее? – и упала со ступенек. Было до одури смешно, только рука жутко болела, но я вроде как напилась и уже не соображала.

– Прости, что я все пропустила.

– Почему ты всегда так быстро сваливаешь? Так нельзя! Люди начнут подозревать...

– Что?

Лоза расплылась в улыбке Чеширского кота.

– Что ты – Бэтмен!

Лоза была единственным плюсом школы Святой Димфны. Религиозного воспитания Изолы не получила: ее крестили только для того, чтобы успокоить набожную бабушку, которая через несколько лет воспарила в строгий консервативный рай, которого так и не обрела на земле. В школу Святой Димфны отец решил отправить Изолу после целой череды подростковых беременностей в местной общеобразовательной школе; видимо, он полагал, что католические школьницы никогда не беременеют и даже смотрят на парней косо.

В этой строго католической, битком набитой монахинями, однополой и пропагандирующей воздержание, антидарвинистской и антиизоловской школе первый день Изолы прошел так.

ШКОЛА: бывший женский монастырь с тайными бомбоубежищами времен Второй мировой и древними лестницами, которые вели в никуда, но сносить их не разрешалось. Комната смеха с витражными окнами и асбестом под половицами.

В ухоженном палисаднике стоял потрясающий фонтан, посвященный памяти жесточайшей из монахинь, учившей еще маму Уайльд в бытность ее школьницей.

– И еще она была ужасной, в первый же день разбила мне костяшки пальцев, – сказала мама, когда Изола зашла в ее полутемную спальню, чтобы попрощаться перед уходом в школу, и в конце концов забралась к ней под одеяло.

– Как это?

Мамины глаза, припухшие со сна, распахнулись шире.

– Знаешь, поводов было много.

За волшебным отпугивающим мужчин забором в садике монастырской школы три принца ждали, чтобы пожелать Иsole удачи и попрощаться. Это был единственный случай: Алехандро, конечно, не собирался отступить от своего правила, запрещавшего Детям Нимуэ вторгаться в другой мир Изолы. Но он понял, что она нуждается в подругах, которые пожали бы ее потную ладошку на прощание, и сделал исключение.

Руслана стояла у фонтана: серебряный нагрудник поблескивал на солнце, заплетенные в косу волосы змеились по спине. Над плечом парил пузырек розового света – Цветочек. Золотистая чешуя Кристобельль сверкала в воде фонтана, а русалочий хвост перехватывала розовая ленточка.

– Все будет хорошо, – заверила Руслана, наклоняясь поправить складки на юбке Изолы.

– Натопай на любого, кто тебя обидит! – пропищала Цветочек. Топот был ее ответом на все Большие Неприятности, и она была уверена, что такие огромные существа, как люди, способны растоптать любые раздражители.

– Удачи, дорогая, – промурлыкала Крестобелль, посылая Изоле воздушный поцелуй из-под воды. Изола потянулась за пузырьками, и они лопнули на ладони, охладив ее влагой.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КРИСТОБЕЛЛЬ: четвертый принц. Красивая русалка и, возможно, серийная убийца, одержимая романтикой, несмотря на последствия собственной любовной трагедии.

Цветочек облетела вокруг головы Изолы, а Руслана в последний раз нервно поправила ее школьный галстук.

– И не делай ничего, чего не сделала бы я, – напутствовала Руслана.

Изола вопросительно подняла взгляд на возвышающуюся над ней фурию.

– Но ты способна на все.

Черные губы Русланы растянулись в улыбке.

– Вот именно.

Изола так никогда и не привыкла называть их сестрами; сестра – это монашка-садистка, которая била маму по рукам, а сестры в сказках почти всегда были злыми, поэтому Руслана, Крестобелль и Цветочек навсегда остались для Изолы братьями-принцами. Защитниками, которые мокрыми от слез глазами гордо смотрели, как их маленькая сестренка-принцесса надевает ранец и сливается с толпой девчонок в синей форме.

Первая встреча Изолы с властями предержавшими прошла предсказуемо. На одном дыхании монахиня – сестра Кэтрин Винсент, позже ставшая для Изолы просто сестрой Кей, – высказалась по поводу прически новой ученицы, длины ее юбки и высоты носков, «которые, кстати, разные, юная леди; вы что, хотите быть наказанной в первый же учебный день, вы же представляете эту школу и производите такое ужасное первое впечатление».

– Как вас зовут?

– Риган, – мило улыбнулась Изола. – Как девочку в «Изгоняющем дьявола».

Изола не выносила фильмов ужасов – они, казалось, проникали в ее сны всякий раз, когда она осмеливалась посмотреть на экран хотя бы сквозь пальцы, – и не смотрела «Изгоняющего дьявола», но ей хватило коварства, чтобы противопоставить растиражированный массовой культурой сатанизм угрозам одной из морщинистых Христовых невест.

Разомкнутые сердца

Изола ждала Лозу на обычном месте, чтобы пройти оставшийся до школы десятиминутный путь вдвоем.

Автобусная остановка располагалась в неблагополучном районе города напротив клуба под названием «Точка Джи», устроенного в здании бывшего завода. Здесь редко проверяли документы, и в народе бытовало мнение, что единственная цифра, интересующая охранника на входе, – вовсе не возраст посетительниц, а размер их лифчиков.

Рядом с клубом находился бывший муниципалитет, который теперь маскировался под святое место; неоновая вывеска на входе, напоминающем дешевую гостиницу, гласила: «Церковь Разомкнутых Сердец».

Одиноким мужчиной с залезанными волосами и пачкой листовок в руке остановил цепкий взгляд на Изоле за секунду до того, как подошел автобус. Булавку на его воротнике украшал символ церкви – красное сердце с золотой замочной

скважиной в центре. Едва лишь посмотрев в глаза Изоле, он сунул ей в руки памфлет, а она подавила желание тут же бросить бумажку в сточную канаву.

– Вы слышали о нашей церкви? – обратился к Изоле мужчина. Его улыбка казалась приклеенной. – Похоже, мисс, вам не помешало бы спасение души.

– Спасибо, не нуждаюсь, – ответила Изола, обходя его, поскольку Лоза уже вышла из автобуса и плыла к ней в море синих форменных платьев с плиссированными юбками.

Мужчина бледными пальцами схватил Изолу за запястье, чем изрядно ее напугал, и прошипел:

– Ты нуждаешься в спасении, ведьма.

– Гертруда! – с деланным акцентом позвала Лоза. – Дорогая, это я, Миллисент! Ну что за дурацкая привычка вступать в секты? – Она выдернула из рук Изолы листовку и цыкнула, вчитываясь в ее содержание. – Гертруда, Гертруда, как не стыдно! Пятая секта за неделю! Держи себя в руках, помни о своей программе двенадцати ступеней! – Смяв бумажку в кулаке и швырнув ее в сторону урны, Лоза взяла Изолу под руку и потянула прочь, резко бросив через плечо: – А вы, сэр, – потакатель!

Торт, трава, очки: интерлюдия

В отличие от большинства жителей Авалона Миэко Розу Томояки при рождении не крестили. Во-первых, ее родители были синто-буддистами, а во-вторых, свое имя она получила в восемь лет. Через две недели после переезда семьи Томояки в городок Розе пришло непонятное письмо от незнакомки, написанное крупными буквами: приглашение на восьмой день рождения какой-то девочки по имени Изола Уайльд.

Мама Уайльд решила поиграть в Матушку Гусыню и от имени своей дочери пригласила одинокую новую соседку на праздник. Роза нервно сжала руку своего отца, когда у калитки их встретили женщина и девочка.

– Привет! – поздоровалась именинница, балансируя на цыпочках. – Я – Алиса Лидделл!

– Нет, ты не она, Изола. Здравствуй, Роза, я так рада, что ты смогла прийти! – Мама Уайльд указала отцу Розы на шезлонг: – Мистер Томояки, садитесь, пожалуйста...

– Шучу! Я – Изола. – Именинница улыбнулась японской скромнице. – Мне нравятся твои очки.

Роза застенчиво потрогала свои новые очки и не ответила, как будто маленькие стеклянные круги были стенами, а не окнами.

– Тебе тоже нравится фиолетовый? – Глаза Изолы, похожие на блюдца, казалось, округлились еще больше. – О, они цвета винограда! Очень подходят под твоё имя, Лоза!

– Она не Лоза, – поправила мама Уайльд, – а Роза.

Роза хихикнула и с того момента навсегда стала Лозой. Роза, новенькая из Японии, в очках и застенчивая, превратилась в Лозу Томояки, болтушку с гладкой черной стрижкой каре. Она до сих пор носила очки в фиолетовой оправе и была лучшей подругой Изолы Уайльд, а новое имя так к ней приросло, что даже на испещренных поправками сочинениях, которые ей возвращали учителя, под жирными единицами красовались пометки: «ЛОЗА, ЗАЙДИ ПОСЛЕ УРОКОВ!»

Дети Нимуэ

Когда мама Уайльд была маленькой, ей никогда не разрешали праздновать день рождения. Ее мать, глубоко религиозная женщина, настаивала, что единственным особенным и безгрешным человеком на земле, достойным ежегодного празднования, был младенец Иисус. Прошли годы, мама Уайльд выросла и прославилась на весь Авалон великолепными праздниками, которые устраивала для единственной дочери: зеленые лужайки в разгар лета и роскошные торты с написанным глазурью возрастом именинницы. Мама Уайльд

приглашала всех.

Но в последний раз подобный праздник состоялся на десятилетие Изола. Потом мама слишком плохо себя чувствовала – после того, что случилось.

Но Изола прекрасно помнила эти вечера. Одним из любимых в ее памяти остался пятый день рождения. Тематикой праздника были феи – традиционные, из классических сказок, – и все девочки надели короны из цветов, сплетенные мамой Уайльд, а мальчики, потрясавшие скипетрами Оберона, вставили бутоньерки в петлицы. Изола встречала гостей у калитки с почтовым ящиком, а ее мама складывала подарки в художественную грудку на складном столике.

Матушка Синклер, пухлая шотландская медсестра из дома номер тридцать девять, прибыла в цветастом сарафане и с улыбкой до ушей. Обладая внушительным бюстом, она славилась крепостью своих объятий и в тот день чуть не задушила Изола, прижав ее к своей пышной грудке.

Когда миновала лихорадка срывания упаковок и разрезания лент, все подарки Изола выложили на траву, чтобы другие дети тоже могли на них взглянуть и поиграть с новыми игрушками, Изола заметила, что матушка Синклер сидит в густой тени тогда еще прекрасной сливы и обмахивается пухлой рукой, а в другой сжимает маленькую розовую коробочку.

– Иди сюда, посмотри, что у меня для тебя припасено! – позвала она, и Изола проковыляла к ней и плюхнулась у ног. Матушка Синклер вручила ей коробочку, Изола жадно сорвала бумагу и увидела потемневший серебряный футляр для украшений.

– О, какая красота! – восхитилась подошедшая мама Уайльд, в ярком солнечном свете казавшаяся лишь черным силуэтом. – Поблагодари миссис Синклер.

– Спасибо, – послушно сказала Изола.

– Это музыкальная шкатулка, – сияя, пояснила матушка Синклер. – Открой же ее, Изола.

Изола открыла коробочку, но оттуда не полилась механическая музыка, а выпорхнул ярко-розовый пузырек. Он подлетел к кончику носа Изолы, клюнул веснушку и громко сказал:

– Какая же ты огромная! Почти такая же большая, как матушка Синклер!

– Вот, – помогла мама Уайльд, забирая из липких рученок Изолы подарок. – Ее надо завести... О, как мило!

Шестеренки механизма вращались, проигрывая колыбельную – незнакомый мотив, который все они откуда-то знали, словно он всегда играл фоном в их мечтах, – а крошечная девочка с прозрачными крылышками порхала вокруг головы Изолы, внимательно ее изучая. Изола тоже молча разглядывала летунью: она никогда не видела подобных существ.

– Я заберу ее в дом, Изола. Слишком ценная вещь, – сказала мама Уайльд, когда мелодия пошла по второму кругу. – Чудесный подарок, матушка Синклер.

Когда она ушла, матушка Синклер оглушительно расхохоталась так, что груди задрожали как желе.

– Я так и знала, – выдохнула она. – У тебя все на лице написано, Изола Уайльд! В этом я никогда не ошибаюсь. Ты и впрямь Дитя Нимуэ.

Изола поняла только одно: матушка Синклер обо всем догадалась.

– Как... как вы?..

Матушка Синклер постучала себя по носу.

– Видала я, как они собираются и летают туда-сюда из твоего окна и обратно...

– Вы имеете в виду принцев? – спросила Изола, но тут же спохватилась и зажала рот ладонью: отец всегда злился, когда она о них упоминала.

– Принцы, говоришь? Ты их так называешь? Мы зовем их Детьми Нимуэ.

Изола встала на колени.

- Чьи-чьи дети?

- Нимуэ! Ты никогда не слышала о Нимуэ? Ты ведь живешь совсем рядом с ее прекрасным лесом.

- Но ведь это лес Вивианы.

- У старушки Нимуэ много имен. - Матушка Синклер хлопнула себя по коленке и наклонилась вперед. - Нимуэ и Вивиана - одно и то же. В старых легендах ее зовут Владычицей озера, дочерью магии и тайны. Волшебник Мерлин любил ее, и Вивиана - то есть Нимуэ - хитростью выпросила у старого колдуна все его волшебные приемчики, а потом заманила его в очарованный лес и заточила в могучий дуб.

- В этот лес? - распахнула глаза Изола, указывая пальцем на деревья.

- Возможно, - кивнула матушка Синклер. В ее глазах плясали искорки. - Никогда не знаешь наверняка. Говорят, ее дети появляются из места, где Озеро встречается с Деревом. Все они - волшебные создания, как бы их ни называли - призраки, феи, пикси, гоблины, сирены или кто там еще. Но иногда они - просто люди, такие, как я и ты, малышка. Это крохотное Дитя Нимуэ, - добавила она, вытягивая палец, на который тут же приземлился розовый пузырек и принял образ девочки, - зовут Цветочек. Она из маленького народца.

- Маленького народца? - непонимающе переспросила Изола.

- Из фей, милая.

Цветочек сделала книксен, придерживая крошечную юбку из листка, и улыбнулась Изоле всем своим телом, включая заостренные ушки, пальцы ног и глаза. Изола никогда не видела ничего подобного.

- Ты мне нравишься, - громко объявила фея. - А я тебе?

- Э-э... да.

- У тебя очаровательный сад.

- Спасибо. Моя мама...

- Ага, - мечтательно протянула Цветочек. - Выглядит таким вкусным.

Она перелетела с руки матушки Синклер на колено Изолы, где тут же свернулась калачиком и начала грызть ногти на ногах.

- Цветочек много лет составляла мне компанию, а я не давала ей голодать, - хихикнула матушка Синклер. - Но я скоро вас покину и вот подумала, что тебе не помешает еще один... как ты там их назвала? Ах да, принц.

Изола нервно глянула на чумазую фею.

Цветочек вытащила большой палец ноги изо рта и заявила:

- Я хочу есть.

- А чем ты питаешься?

- Больше всего люблю жимолость.

Изола вопросительно посмотрела на матушку Синклер.

- Просто цветы, малышка. Чем красивее, тем лучше. Она мало ест. Только следи, чтобы никто не принял ее за вредителя и не опрыскал пестицидом! - Она встала с пластмассового стула, потянулась и на секунду замерла, глядя, как по рукам двигается тень. - Веди себя хорошо, Цветочек, букашка ты моя, - улыбнулась матушка Синклер. - И еще раз тебя с днем рождения, Изола Уайльд. - Она осторожно погладила кончиком пальца головку феи, потом провела ладонью по голове Изолы и направилась прочь.

- А куда вы, матушка Синклер? - окликнула ее Изола. - То есть почему вы больше не сможете быть с Цветочком?

Пухлая леди из дома номер тридцать девять обернулась и хохотнула.

– Благословенна будь, маленькая Дочь Нимуэ, – я возвращаюсь домой!

* * *

Две недели спустя матушку Синклер похоронили на Высоком кладбище на лысом холме с видом на городок. На покойнице были ортопедические ботинки, а на груди красовалась брошка с портретом Флоренс Найтингейл. Ее муж, будущий Страшила Рэдли, долго говорил о борьбе жены с болезнью: «Попытки победить рак всегда называют борьбой, но моя красавица-жена не верила в войну». Он описывал ее сад и землю, въевшуюся в морщины матушки Синклер. Рассказывал, как она умудрялась делать так, чтобы цветы цвели круглый год. Говорил о ее связи с землей и о любви к детям и животным, объятиям и подаркам, лесу Вивианы.

Стоя в третьем ряду сзади, Изола думала об огромной груди матушки Синклер и о музыкальной шкатулке с таинственной феей внутри. Человеческое Дитя Нимуэ вернулось от озера и дерева в землю.

Цветочек проливала крохотные розовые слезы в нагрудном кармане Изолы.

До этого Изола была на похоронах лишь однажды – в четыре года, когда умерла ее бабушка.

– Не бойся, – сказала тогда мама Уайльд, а слезы текли по ее лицу, пока она успокаивала Изолу, гладя по спине, – она умерла во сне.

Мама имела в виду, что бабушка не мучилась перед смертью, но той ночью Изола боролась со сном, боясь закрыть глаза. Она натянула одеяло до подбородка и смотрела, как тени пляшут по стенам комнаты.

– Алехандро, – тихо спросила Изола, чтобы не услышала мама, – что случится, если я умру во сне?

Дух всегда являлся на ее зов, но он не смог заверить Изолу, что не позволит этому случиться. Пока она не расстроилась еще больше, он вытащил из

нагрудного кармана две незнакомые золотые монеты.

– Плата перевозчику, querida, – просто сказал он, кладя деньги на прикроватную тумбочку. – На случай если ты умрешь во сне.

Бабушкины похороны прошли пышно и торжественно; лицо безучастного Иисуса на окне напоминало витраж. Бабушка в гробу была на себя непохожа – перестарались с гримом. Будь она жива, то скривилась бы и сказала, что выглядит как уличная бродяжка.

Прежде чем закрыли крышку, Изола сунула в гроб папин кошелек, надеясь, что бумажных денег хватит на билет в один конец.

Похороны матушки Синклер были совсем другими – земными и благоуханными, а под черными пиджаками пришедших скрывались яркие наряды. У могилы Изола щупала в кармане прохладные монеты, те самые, которые год назад ей дал Алехандро. Тогда она не понимала и еще долго не поймет, насколько они ценны: то был последний подарок, который Алехандро получил от своих младших сестер. Изола кинула в глубокую могилу веточку жимолости, в цветах которой скрывались две монетки из ее собственной свиньи-копилки.

Тик-так

Визг. Глухой удар об землю.

– Они пожирают мое время!

Изола надела рюкзак на плечи и выбежала из дома.

– Что такое? Что случилось?

– Мой ревень! Эти противные кролики! – воскликнула мама Уайльд, вытирая лоб рукой в садовой перчатке, и лоб тут же испачкался. – В следующий раз они заберутся в розмарин, вот увидишь.

Она снова врезалась тяткой в землю, возмущаясь тем, что грызуны опять совершили набег на ее садик. Изола успела заметить пыльные хвостики, исчезающие в кустах. Один черный кролик шустро нырнул под крыльцо дома Эдгара Аллана По. Изола уже давно его не видела: она уходила в школу намного раньше, чем он, а на обратном пути задерживалась в лесу дотемна.

– О-о-о, эти кролики! Знаю, ты их любишь, Изола, но, клянусь, если я их поймаю... – Мама изобразила, будто кого-то душит. – Я сверну их пушистые шейки и приготовлю наваристый суп из крольчатины!

Изола поцеловала маму и зашагала дальше по тропинке. Когда она подошла к калитке, улыбка увяла – как уже начал увядать по краям мамин сад. Видеть маму в таком состоянии было одновременно и приятно, и горько. С одной стороны, здорово, что она вышла из дома и снова занялась давно заброшенным садом, который был уже не тем безоблачным раем, что когда-то. Но Изола знала, что маниакальная стадия скоро закончится, и чем дольше она продлится, тем глубже мама погрузится в депрессию потом. В бесконечном цирке ее жизни чем выше она взлетала, тем больше падала. Сегодня она гимнасткой в блестящем в свете софитов трико взмывала высоко над своей болезнью, но завтра с высокой долей вероятности будет корчиться, как таракан под сапогом, раздавленная невыносимым бременем печали.

В последнее время маятник болезни раскачивался все сильнее и сильнее, и Изола боялась, что скоро часы сломаются.

* * *

Разуваясь в прихожей после школы, Изола уже знала, что маятник пошел вспять и качнулся в другую сторону. В раковине висилась груда невымытых тарелок. Дом был неприветлив и стерилен, кухня – холодной, поскольку ужин в ней никто не готовил.

– Как дела в школе? – задал отец дежурный вопрос из гостиной. Слова сопровождалось шелестом газетных страниц.

– Мы с Лозой притворились, что у нас болят животы, чтобы не ходить на физкультуру, – отозвалась Изола, стоя на пороге гостиной и пожимая плечами. –

Но сестра Кей сказала, что мы уже использовали эту отговорку на прошлой неделе. Наверное, монахини теперь отслеживают наши циклы.

Сверху донесся знакомый шум воды. Мама раздевалась в ванной. Изола не поднимала глаз, как и ее отец. Он пролистал газету до спортивных новостей, что-то бурча про слабую футбольную команду, и только тогда Изола позволила себе взглянуть вверх и помечтать о рентгеновском зрении, чтобы видеть сквозь потолок. Возможно, если всмотреться пристальнее, то удастся прошить взглядом фаянсовую ванну и веснушчатую мамину кожу, чтобы отыскать печаль, свившую себе гнездо в красном сплетении кишок, депрессию, которая разрасталась как метастазы. Изола хотела целовать их, чтобы они скукоживались, вырезать их бритвенно-острыми губами, как у Русланы.

Не было секретом, что мама психически больна. И после рождения Изолы ей стало только хуже.

Иногда поздно ночью Изола прижимала большие пальцы к глазам и, сосредоточившись, составляла образы из электрических разноцветных вспышек под веками. Так она вспоминала, как жила внутри мамы. Розовые стенки матки, сверкавшие звездами, словно Изола плавала в космосе; розовый цвет, нежный, как тело моллюска; эмбрион – песчинка, постепенно превращавшаяся в жемчужину.

Раньше в маме зрели и другие жемчужины, но они не твердели, а размягчались и просачивались сквозь пористые стенки. Мама заботилась и об этих детях, но втайне от всех: она лелеяла их в себе, спрятав между органами, и они шлепали по ее стареющим суставам, накапливались в стволе мозга. Этим семенам и саженцам не суждено было расцвести или стать деревьями.

Только Изола оказалась живой и настоящей – не выкидышем, не мертворожденной, не ложной беременностью. Когда она появилась на свет, заплакали все, кроме самой новорожденной. Медсестры снова и снова продували ее дыхательные пути в поисках несуществующего препятствия.

– Тихая маленькая принцесса у вас, миссис Уайльд, – с улыбкой сказала медсестра, и Изолу наконец-то положили в мамыны потные руки: крохотную, с морщинистыми кулачками, с голубыми под младенческой пленкой глазами. Волосы торчали, облизанные единорогами, а личико казалось обеспокоенным.

– Моя принцесса, – ахнула мама, одурманенная анестезией и эндорфинами. – Моя Изола.

Изола распахнула дверь ванной и окинула комнату взглядом: теплый свет, запах геля, мыла и свечей.

Мама лежала в старомодной ванне на львиных лапах, прячась за ширмой с рисунком в японском стиле. Видны были только части тела: с одной стороны – пальцы ног, с другой – пучок заколотых темных волос. За ширмой – стройный силуэт, грудь и колени.

Изола подошла к ванне, где мама лежала среди шапок пены, поцеловала ее в распаренную щеку, окунула в воду пальцы, чтобы проверить температуру (как всегда, почти кипятком), и спросила, не нужно ли маме чего.

– Врача, чтобы удвоил дозировку, – вздохнула мама, а потом рассмеялась и побалетному подняла ногу. Мыльная вода закапала на банный коврик. В этой ноге Изола увидела всю мамину жизнь – в мозолях на пятке, в нежно-фиолетовом лаке на коротко подстриженных ногтях, в выцветшем ножном браслете, сплетенном из ниток на берегу какого-то далекого пляжа еще в медовый месяц.

– Расскажешь мне сказку, Изола?

Изола могла помочь маме лишь немногим, но ее голос был одним из лекарств: умиротворяющий, завораживающий. Все истории, которые она рассказывала, заканчивались хорошо. Изола не считала себя одаренной сказочницей, но черпала вдохновение в словах Лилео Пардые, словно вампир, сосущий чернильно-черную кровь, и сочиняла на ходу, пока вода в ванне не остывала до комнатной температуры.

Изола до боли любила свою маму. И когда маме бывало плохо, эта боль становилась сильнее. В депрессивные периоды мама Уайльд была греческой трагедией во плоти. Она валялась в постели целыми днями и забиралась в ванну в неурочные часы, отмокая там, вместо того чтобы спать, и тщетно пытаясь смягчить вросшие слишком глубоко шипы.

Чайная свеча подплыла к пальцам Изолы, и та всколыхнула воду, чтобы огонек двинулся дальше: крошечная буря, зажатая между узкими стенками ванны.

– Давным-давно, – тихо начала Изола, – жил-был мальчик по имени Алехандро, который очень любил свою сестру.

Мальчик: со второго взгляда

Осень маршировала по долине, словно армия в багряных шинелях. С дерева в палисаднике дома номер тридцать шесть уже облетели почти все ленточки блестящей мишуры. Почти все листья побурели и опали. Слива словно раздевалась; грустная старая стриптизерша, обнажающая костлявое тело перед равнодушной толпой.

Сжимая книгу сказок Пардые, Изола шла к дереву, чтобы посидеть среди корней. Но ее место оказалось занято. Там сидело что-то мохнатое и тихо сопело. Изола наклонилась над зверьком. Тот дрожал с закрытыми глазами. Мордочка перепачкалась фиолетовым, а в лапках животное сжимало забродившую сливу.

– Это ты – тот маленький проказник, который съел мамин ревень? – спросила Изола у окосевшего черного кролика. Подобрала сливу, которую тот уже погрыз, – почти вся гнилая. – Прости, зайчик, но этот фрукт есть нельзя.

Изола вытянула руку, чтобы погладить мягкие ушки зверька. И тут одновременно случились две вещи: кролик при ее прикосновении резко вскинулся, оскалился жуткой пастью с черными клыками и злобно зашипел, а по двору пронесся крик, яркий и недостижимый, как звезды.

Изола вскочила – кричали через дорогу, – а черный кролик размытым пятном помчался к лесу через поляну с одуванчиками, семена которых на ветру отрывались от соцветий и улетали прочь.

Крик повторился. Воображение Изолы обросло перьями и полетело в лес, где висел труп, и к окну, где девочка-призрак ей угрожала. Держись подальше от проклятого леса.

Изола подбежала к дому номер тридцать семь: крики доносились с заднего двора. Крепко прижимая к себе книгу сказок, словно рыцарский щит, она на

цыпочках обошла дом, держась ближе к забору из сетки-рабицы и слегка согнувшись, чтобы не зацепиться за проволоку волосами.

Снова раздался крик, но теперь уже другой. Радостный. Похоже, это дети – маленькие По. Изола с облегчением выдохнула и развернулась, собираясь отступить.

– Ты кто?

Изола удивленно опустила глаза на обладателя хмурого голоса – мальчика с песочного цвета волосами, преградившего ей путь. Ребенок сурово смотрел на нее из-под челки, явно остриженной не в парикмахерской, а мамиными руками.

– Я – Изола, – ответила она по возможности жизнерадостно. Ей никогда не удавалось ладить с детьми: сложно было постоянно изображать веселье. – У вас тут все в порядке?

– Было просто прекрасно, пока тут не начала шастать ты, – огрызнулся хмурый маленький По. – Кто тебя вообще сюда звал?

– Я, придурок.

Изола резко развернулась. На узкой дорожке вдоль дома появился Эдгар Аллан По.

– Иди сюда, Аннабель Ли, – с неподдельной радостью позвал ее Эдгар.

– Она сказала, что ее зовут Изола, тупица, – проворчал мальчик, театрально закатывая глаза.

Изола замерла, увидев просторный задний двор, усеянный игрушками и полусобранной мебелью. Садовые инструменты и перевернутый вверх корнями саженец были разложены вокруг глубокой ямы посреди двора.

– Шевелись, – рявкнул мальчишка, протискиваясь мимо Изолы. – Тупая блондинка!

– Эй! – Эдгар попытался поймать пробегающего мимо брата за плечо. – Маленький засранец... – Он снова развернулся к Изоле: искренняя улыбка так и не сошла с его лица. – Зашла пожаловаться на шум, соседка?

Изола скрестила руки на груди.

– Мне показалось, вас тут убивают.

– И ты бросилась на помощь? Очень смело с твоей стороны. И даже оружия с собой не взяла! – Он вытер перепачканные землей руки о джинсы и взгляделся в золотое тиснение на обложке книги в руках Изолы. – Разве что вот этот кирпич. «Лес фаблес...»

– “Les Fables et les Contes de Fe?es de Pardieu”. Это значит «Басни и сказки Пардые».

– О, круто.

– Читал?

– Даже никогда не слышал о таких.

– Шутишь? Ты не знаешь Лилео Пардые? Не читал ни единой ее сказки? – Изола начала торопливо перечислять названия, а изумление на лице Эдгара все росло и росло. – «Леди из племени единорогов»? «Седьмая принцесса»? «Талисманы»? «Принц-волк»?

– Эдгар! – взвизгнула девчушка, которая раскачивалась на качелях, с каждым взлетом обозревая густой лес за домом. Изола узнала ее звонкий голосок: именно она кричала. – Эдгар, я их вижу! Они бегут в лес!

– Что случилось? – поинтересовалась Изола.

– Иди сюда. – Эдгар подвел ее к яме. Изола ожидала увидеть сверкающий метеорит или упавший спутник НАСА, но узрела лишь лабиринт полуразрушенных катакомб.

– Мы пытались посадить яблоню для мамы и случайно разрыли кроличью нору. Они все выползли наверх, словно пушистые зомби, и Порция испугалась. Это она, – добавил Эдгар, указывая на девочку на качелях. Ее темные хвостики бешено мелькали в воздухе, словно вертолетные лопасти. – Ей шесть лет. Кассио ты уже видела – ему десять. Не парься, он всех ненавидит.

Изоле еще не доводилось видеть Эдгара так близко при свете дня. Он слегка сутулился, словно брошенный у алтаря жених. Изола тут же представила себе красивую девушку в кружевном платье с медово-золотистой фатой: вот она бежит по проходу прочь, бросив обиженного Эдгара во взятом напрокат смокинге с сиренью в петлице.

Его лицо словно сошло со страниц историй о привидениях. Кладбищенские глаза, острые скулы, будто из городских легенд, рот, похожий на закрытый гроб. Улыбка была искренней, но казалась чужеродной. Для Изолы пытаться изображать счастье было все равно что носить кольцо не по размеру: как-то раз она надела такое и потом весь остаток дня пыталась снять его с пальца.

– Познакомься, Порция: это наша соседка из тридцать шестого дома, – представил Изолу Эдгар. – Из того дома с нарядным деревом, которое тебе так нравится. Она говорит, что ее зовут Аннабель Ли.

– Нет-нет, меня зовут Изола!

– Эдгар тебя нарисовал, – как ни в чем не бывало прошептала Порция. – В своем блокноте, я видела! – Она перестала раскачиваться и спрыгнула на землю, разметанные ветром хвостики легли на плечи. – Думаю, ты ему нравишься! – бесхитростно добавила она.

Крылья и странствия

Мама тихо плакала. Ее слезы напоминали увертюру перед началом мюзикла. Изола открыла музыкальную шкатулку и в ожидании, пока всхлипы за стеной не утихнут, еще раз прослушала безымянную мелодию – на шкатулке не было ни логотипа, ни гравировки с названием оперы, откуда взяли этот фрагмент.

Полуночный телеэфир. Поле битвы для страдающих бессонницей. Дикторы по-прежнему вещали с розами в петлицах и чрезмерно нарумяненными щеками. Они обсуждали случившееся в прошлом месяце самоубийство английского подростка и то, как аморальные конкуренты показали его в прямом эфире. Говорящие составляли список Того-Что-Нужно-Сделать и примеряли на себя броню крестоносцев, готовых спасти молодежь от нее самой, стучали кулаками по столу и чеканили пункты списка. Долой издевательства, наркотики, секс, депрессию, Интернет, СМИ, правительство и грязь, которую показывают на бездуховном конкурирующем канале!

Изола спустилась выпить воды. Отец не спал: его силуэт, подсвеченный уличным фонарем, выделялся на фоне окна гостиной, за которым шелестела наряженная слива. Отец сцепил руки за спиной. Казалось, он чего-то стесняется: так он выглядел всегда, когда сталкивался с очередным доказательством эксцентричности своей дочери. А когда мама одобряла ее поведение, он только еще больше сердился.

Изола подождала, пока он задернет шторы и уйдет в свою комнату, а потом тихо прокралась наверх, плотно запахивая халат.

Изола не совсем понимала, зачем старается ходить бесшумно. Отец все равно никогда ничего не замечал.

* * *

Утром по дороге в школу Изола начала думать, что единороги куда-то перебрались. Их жизни в лесу уже довольно давно что-то угрожало. И она бы не стала винить дезертиров за побег.

Она пыталась не думать о клетке с телом, о ноге, торчащей между прутьями. Мертвая девочка оставалась здесь, в этом тенистом сумраке, похожем на декорации к сказкам братьев Гримм. Но, судя по словам Алехандро и других братьев, Изола должна выкинуть ее из головы. Ничего не случится.

Листья шуршали под ногами, и Изола воображала, что одета в платье из языков пламени с длинным шлейфом, пожирающим лесную глушь. Она обожала эту чащу, густой подлесок и паутину. В лесу Вивианы обитали опасные существа,

которые, в отличие от ее братьев, никогда не искали человеческого общества. В лучшем случае они относились к людям безразлично, и принцы то и дело заклинали Изолу не разговаривать с лесными обитателями, когда она одна.

Здесь водились дикие лебеди, которые при луне превращались в прекрасных юношей. Изолу давно предупредили, что эти парни будут пытаться выманить у нее поцелуй и с ним украсть семь лет ее полудрагоценной жизни.

Сегодня по лесу шастали лесные черти – маленькие соломенные человечки, похожие на кукол вуду. Они жили под землей и выходили на поверхность, только если в ночном небе виднелся Юпитер. Изола слышала, как они шебуршат в траве. Жар-птицы взмахивали дымящимися крыльями и выдували пепел из потайных дупел.

В лесу Вивианы постоянно царил тьма, и даже Изола иногда терялась в его лабиринте. Вот и сейчас лишь по особым приметам она поняла, что добралась до сердца леса.

Декорации

Дьявольское Чаепитие: кольцо ядовитых мухоморов вокруг маленькой полянки, где листва над головой – тонкая, как кисея.

Колодец Желаний: на самом деле никакой не колодец, а пруд с кристально чистой водой, где любила загорать Кристобель.

Жизнесмерть: красивое дерево, каждый раз меняющее облик. Как и слива в саду Изолы, иногда оно казалось умирающим, а на следующий день так и бурлило жизнью, и Изола узнавала его только по колокольчикам, которые сама привязала к нижним веткам широкими рубиново-красными лентами.

Мост Вздохов: дерево, растущее от корня другого могучего ствола, близнец-паразит. Верхушка его согнулась настолько, что ушла под землю мшистой аркой, ведущей в другое измерение.

Именно у Моста Вздохов Изола и нашла ту тесную клетку, подвешенную на суче старого дуба, и увидела заключенную в ней девочку.

Теперь, остановившись под мостом, Изола подняла голову. Ничего, только веревка с измочаленными концами. Никакого тела – наверное, единороги до него и впрямь добрались, как предсказывал Алехандро.

Но клетка тоже куда-то исчезла.

Дитя семьи Уайльд

Наваждение началось с однажды услышанной истории, как это чаще всего и бывает.

Мама рассказывала Изоле сказку Лилео Пардые о седьмой принцессе. Седьмое дитя любимых народом короля и королевы, их первая дочь, была похищена стаей драконов, падких на сокровища. Драконы пообещали через неделю съесть пленницу, если королевская семья не заплатит выкуп: все золото, что есть в королевстве.

Король и королева тут же предложили драконам все золото из своей казны – жизнь любимой дочери для них была бесценна.

– Но вскоре они поняли, что выполнить требование драконов невозможно, – вещала мама, драматически повышая и понижая голос, – потому что в королевстве у моря жили светловолосые люди, на холмах росли желтые полевые цветы, у воды тянулись пляжи с золотым песком, а драконы жаждали получить все золото: и волосы, состриженные с голов крестьян, и желтые цветы, срезанные со стеблей, и весь песок из дюн до последней песчинки, и, конечно же, каждый лучик солнца, освещающий маленькое прибрежное королевство.

– Жадные драконы, – вздохнула пухлощекая четырехлетняя Изола. – Бедные люди. Им пришлось бы жить лысыми и в темноте!

– И к тому же без цветов. Ужасно, правда?

Мама погладила Изолу по голове и продолжила:

– К счастью для принцессы, у нее было шестеро старших братьев – или, как полагали они, у них была маленькая сестренка. Первый брат-принц, самый смелый, сказал королю и королеве: «Я спасу величайшее сокровище нашего королевства. Мне не нужно ничего, кроме вашего благословения». Второй принц, любивший своих братьев и сестру всем сердцем, вышел вперед и сказал: «Тебе понадобится мы». За ним шагнули третий брат, волевой и спокойный, четвертый, честный и добрый, пятый, заботливый и надежный, и шестой, талантливый и разговорчивый. Король и королева опечалились, но отпустили сыновей, опасаясь, что дети погибнут, если не получат родительского благословения. Братья-принцы решились отыскать свою сестренку-принцессу, стоившую дороже золота и томившуюся в когтях драконов, – отыскать и спасти ее мечами и общими силами, что были убедительнее любых сокровищ.

Веки Изолы уже смыкались. Влажные голубые глазки. Кожа, бледная как разбавленное молоко. Мамины пальцы запутались в ее волосах, мягких, как грива водяной лошадки.

– Спокойной ночи, Изола. Завтра почитаем дальше.

Изола умудрилась не заснуть еще несколько минут, чтобы адресовать вопрос своему тайному другу, с которым познакомилась несколько недель назад.

– Эй, Але...

Рябь во мраке – словно камешек всколыхнул воды пруда. Внезапная теплота присутствия другого человека, избавившего от одиночества.

– Да, мисс Уайльд? – Тогда он еще не называл ее «querida» – даже Изолой не смел называть.

– Алехан-до... – Изола в ответ коверкала его имя. – Что такое «брат»? Это то же самое, что принц?

– В каком-то смысле – да. Брат – это тот, кто защищает, – ответил Алехандро, присаживаясь в изножье кровати.

– А сестра?

– Маленькая принцесса, нуждающаяся в защите. Девочка вроде тебя.

Изола перекадилась на спину и высунула из-под одеяла подбородок.

– Мне защита не нужна!

– Нет. – Алехандро покачал головой и разгладил одеяло Изолы, совсем как мама. – Но ты ее заслуживаешь.

До переезда Уайльдов в дом номер тридцать шесть Алехандро жил там уже давно, пугая обитавших тогда в доме наркоманов. Сид и Нэнси вселились туда последними из череды жильцов, которых Алехандро пытался отвратить от дури, сгубившей его самого. Когда у Сиды случилась передозировка, а Нэнси с криками убежала в чернильно-черный лес, Алехандро воспринял это как знак и спрятался на чердаке, свернувшись как плод в пыльной матке, и принялся ждать сна или тления, ада или рая – суда.

И Изолы.

Позже он решил, что в этом и состояла цель его жизни (после смерти) – защищать сестренку-принцессу от всех драконов в мире. И он честно исполнял этот долг больше двенадцати лет. У Изолы были волосы и песок, солнце и цветы. Но защитить ее от самого королевства Алехандро не мог.

Потом появилась Руслана. Страдания женщин гнали ее с места на место, вынуждая странствовать по всему свету. Чувства незнакомых людей рыболовными крючками цеплялись за ее губы, и те навсегда окрасились в черный цвет запекшейся крови. И вот однажды, под покровом особенно темной ночи, она проскользнула в дом семьи Уайльд. Руслана почуяла тревогу за маму Уайльд, которая уже тогда устала от сражений, ежедневно бушевавших на поле битвы в ее собственной голове.

Увидев фурию у окна, Изола – к отчаянию Алехандро, всегда доверчивая – пригласила незнакомку войти и послушать мамину сказку на ночь. Удивившись, что ее заметили, Руслана не стала входить в комнату, а осталась сидеть

невидимкой на подоконнике и слушать рассказ мамы Уайльд о шестерых братьях, храбро пробирающихся по пустынным землям, болотам и джунглям в поисках своего златовласого сокровища.

Какой же Руслана была необыкновенной! Более плотная, чем Алехандро, она могла показываться и касаться людей когда пожелает, – в отличие от привидений, незаметно для человека проходящих через его тело. Иногда ее огромный плащ, живой, как час ведьмовства, тянулся к Изоле и обнимал ее. Изоле это придавало сил – Руслана не любила, когда ее трогали, поскольку ее тело было машиной для убийства, но все равно могла успокоить Изолу, окутывая ее своими тенями.

Руслана никогда не говорила, сколько ей лет и откуда она родом. Она лишь качала головой и плотно сжимала черносмородиновые губы, когда Изола задавала ей такие вопросы, и повторяла, что останется лишь дослушать сказку. Но и двенадцать лет спустя она все еще была рядом. Как Руслана призналась позже, она попалась на крючок, услышав слово «герой», поскольку в реальном мире герои встречались очень редко. Кроме того, Руслане было приятно, что Алехандро решил защищать Изолу от всех опасностей. Так воительница стала второй невидимкой, постоянно присутствующей в жизни Изола.

Однажды, когда мама ушла, а Руслана материализовалась, чтобы подоткнуть Изоле одеяло, Изола произнесла вслух то, о чем уже довольно давно думала.

– Родители заботятся о нас, – сонно пробормотала она, – но защищают нас братья.

– Правда?

Изоле нравился низкий спокойный голос Русланы, ее идеальный английский со странным акцентом – смесь народов и культур.

– Алехандро – мой брат. Вот почему он здесь. И Джейми – тоже. – Прошла минута. Изола вырвалась из сонного молчания и робко спросила: – А ты будешь моим братом, Руслана?

Фурия воинственно фыркнула.

– Я – женщина, Изола Уайльд!

– Значит, нет?

Как мама и Алехандро, Руслана разгладила одеяло Изолы, которое беспокойные ножки и ручки так и норовили смять. Наклонилась ближе, словно желая поцеловать Изолу на ночь, но всего лишь выпятила губы, черные, как у Мортиции Адамс. Тогда Изола еще не знала, что Руслана соблазняла женоубийц и целовала их этими губами, взрезая плоть и тем самым восстанавливая справедливость: жизнь за жизнь.

– Почту за честь, маленькая принцесса.

С двумя хранителями из потустороннего мира Изола стала вдвойне чудаковатой. Папа Уайльд часто думал, что его единственная дочь, дитя семьи Уайльд (он так и не получил желанного сына), сошла с ума; «братья», о которых она постоянно твердила, могли быть раздвоением личности. Откуда, думал он, в четыре, пять или шесть лет девочка может знать об опиумных притонах? Как ей удастся различать виды пауков, распознавать съедобные цветы и угадывать, из какой далекой страны приплыли водоросли, качающиеся по волнам, словно выброшенные в море трупы?

Папа Уайльд всегда задавал эти вопросы, которые в его устах превращались в копия обвинений, летящие в маму, хоть он и пытался облечь их в менее обидную форму. «А все твои сказки. Этими чертовыми выдумками ты только растравляешь ее фантазию!»

Когда мама и папа Уайльд в очередной раз поссорились, Руслана ощутила тянущую боль в животе – зов расстроенной девочки. По сравнению с тем, что Руслана испытывала прежде, эта боль была легкой, но близость страдальцы ее обостряла.

Изола стояла у лестницы в своей светлой пижаме – никто не заметил, как она прошлепала сюда из комнаты и остановилась послушать.

Крики уходили ввысь, словно жар и дым. Муж нашел больничные выписки о тайно сделанной женой операции – теперь у него никогда не будет сына.

Не говоря ни слова, Руслана подхватила вздыхающую маленькую Изолу и обняла ее. Вихрящийся плащ щупальцами обвил крошечное тельце. Девочка закуталась в тени – она никогда не боялась темноты.

* * *

Так, мало-помалу у Изолы собралось шестеро братьев – как у седьмой принцессы в сказке. Двое из них были призраками, один – русалкой, один – феей, один – фурией и один – настоящим живым человеком. Они приходили и уходили, исчезая на долгие недели, а иногда и на целые сезоны, как того требовала их природа.

Изола ревниво подозревала, что у них где-то есть и другие сестрички-принцессы, которых надо защищать, но братья уверили ее, что дело не в этом. Просто они вдобавок приходились братьями надгробным плитам, тайным садикам, убийцам и потрошителям, морю... Короче, им непременно требовалось появляться и в других местах.

Изола знала, что принцы до ужаса легко могут о ней забыть – в конце концов, они чувствовали не по-людски. Призраки медленно задыхались во временных петлях; по-детски непоседливые феи были слишком маленькими, чтобы испытывать угрызения совести за бегство; русалки сходили с ума, если не повиновались зову моря; Руслана была фурией, и поэтому ей изо дня в день приходилось мстить за других девочек и женщин, не имея ни минуты покоя.

Принцы не были ей ничего должны. Их связывала с нею не кровь, а лишь тонкая красная ниточка дружбы.

Возможно, когда Изола была маленькой, она нуждалась в них по-настоящему. Но сейчас – дело другое. Сейчас она просто хотела, чтобы братья оставались рядом. Заслуживала ли она такой большой свиты? Изола сознавала, что ведет себя эгоистично: она привязала принцев к себе, словно брелоки к браслету, и заморозила свое сердце, не пуская в него других людей, не позволяя себе привязанностей. Она давно поняла, что лучше быть ледяной принцессой, чем обычной девочкой, открытой всем ветрам, даже теплым.

Братья-принцы очень ее любили, и Изола, как и все дети, воспитанные в любви и заботе, никогда не задавалась вопросом, за что. Про себя они все гадали, не совсем понимая: почему именно Изола? Что она им дала такого, чего в один прекрасный день не заберет ее смерть?

Они нашли себе хрупкую живую девочку, тогда как на самом деле просто искали теплый, дышащий воздухом и все еще живой второй шанс. Но теперь что-то связывало их с ней, и эта связь возникла почти сразу.

У Изола были любящие родители, но братья даже тогда уже чувствовали, что она нуждается в другом. В них, ее братьях. Отец был слаб – он не мог управиться ни с дочерью, ни с женой. А с мамой все обстояло еще хуже: в ней тикала бомба, и все понимали, что рано или поздно время истечет.

В первый же раз взглянув Изоле в глаза, каждый принц взял на себя ответственность. Да, разумеется, Кристобель была свободна как морская пена, у Русланы оставались ее зловещие обязанности, Алехандро успел поделиться любовью с настоящими сестрами, дедушка Ферлонг с каждым днем подходил все ближе к распутью, для Цветочка Изола была кормилицей, а для Джеймса – подругой с надеждой на нечто большее. Но, несмотря ни на что, участие принцев в будущем подопечной даже не обсуждалось.

Ее счастье было счастьем и для них, и это определяло всё.

Часть II

Кукольный дом

Невидимое – единственная реальность.

Эдгар Аллан По

Кролики Гиневры

Осеннее небо было цвета жженой сепии, высокая луна походила на бумажный фонарик, а лес окрасился кровавым багрянцем. Эдгар часто замечал Изола во дворе дома номер тридцать шесть: волосы скручены в пучки-оданго, как в мультфильме «Сейлормун», по бокам свисают хвостики. Иногда она читала или ходила по муравейникам, а иногда – и то и другое одновременно: глаза не отрывались от толстой книги, а тяжелые ботинки заставляли муравьиных сержантов, генералов и солдат спешно оборонять дозорные башенки, казармы и траншеи. Иногда Изола раскрывала бутоны цветов, словно охотясь на Дюймовочек.

Было в ней что-то одновременно знакомое и незнакомое – загорелая Белоснежка, Золушка в армейских ботинках. Хрупкая, но сильная, волшебная и настоящая одновременно.

Однажды днем она оказалась в саду не одна. Изола и девочка с прямыми черными волосами стояли на коленях и, почти прижавшись друг к другу лбами, вглядывались в кусты. Обе были странно одеты: Изола выбрала длинное синее платье, а ее подруга водрузила на голову красную бумажную корону. На секунду Эдгар задался вопросом, не проходит ли у них какой-то маскарад, но прежде чем он решился подойти и спросить, из дома выскочила Порция и перебежала дорогу. Его сестренка довольно крепко привязалась к Изоле Уайльд, Девочке из Дома Номер Тридцать Шесть, и Эдгар поспешил за ней, смущенный, но довольный тем, что нашел удобный предлог для визита к соседям.

– Зола! – крикнула малышка.

Изола повернулась и подняла глаза, прищурившись на по-осеннему яркое солнце.

– Порция, смотри, – позвала она, ничуть не сердясь за вторжение. Она молитвенно сложила бледные руки и убрала большие пальцы, чтобы туда можно было заглянуть. Порция склонилась над ней, но тут же подскочила и отпрыгнула.

– Фу! Это мерзкий жук!

– Кузнечик, – поправила ее Изола и вытряхнула насекомое на ладошку девочки.

Порция с притворным испугом взвизгнула. Румянец на щеках выдавал ее восторг.

– Шевелится! Касс! – заверещала она и резко бросилась через дорогу, крепко сжимая кулак, чтобы пленник не сбежал. – Кассио! Он шевелится!

– Значит, это ты – новый сосед. – Азиатка обтерла испачканные ладони об голые ноги и протянула ему руку. – Я – Лоза.

– Эдгар.

– Знаю. – Лоза широко улыбнулась, продемонстрировав зубы. За стеклами очков мелькнул проблеск узнавания, и Эдгар внезапно вспомнил, где ее видел.

– Как твоя рука? – невинно спросил он, и Лоза зашлась хохотом.

– Видишь, Зола? Это было самым ярким событием всей вечеринки! – воскликнула она, и Изола сдержанно улыбнулась. – Итак, – Лоза вновь повернулась к Эдгару, – откуда ты знаешь Геллу?

– Она встречается с моим лучшим другом, Филиппом.

– Божечки, с Пипом? Он – ходячая легенда! Все пытается давать мне советы, как цеплять девчонок. Просто опупительно. – Она сцепила руки в замок. – В садоводстве разбираешься?

Эдгар пожал плечами:

– Мама беременна, и поэтому ей надо помогать. Но большинство растений, которые сажаю я, погибают. У меня вроде как тяжелая рука.

– Проклятый черный палец, – мрачно кивнула Лоза. – Ну, это не беда, потому что мы пытаемся придумать, как остановить нашествие кроликов.

Словно по команде черный зверек выскочил из кустов, пронесся мимо ребят и на всех парах помчался к лесу. Эдгар отметил любопытный взгляд, которым Изола

проводила мохнатого вредителя.

– Ну, то есть да, они очень милые, но уничтожают огород Изолиной мамы, – продолжила Лоза.

Теперь Эдгар смог лучше рассмотреть нелепые костюмы, но смысла их по-прежнему не понял. Обе девочки были в школьной спортивной форме, но поверх нее Изола надела прозрачную синюю ночную рубашку в пол, похожую на побитое молью платье утопленницы из Камелота.

– И ради этого вы ушли с королевского бала?

Изола как будто только теперь осознала нелепость своего прозрачного наряда и неуклюже поддержала рукава.

– Вообще-то, с осеннего спортивного карнавала. Это костюм моего Дома. Я из дома Гиневры, синего дома, – зачем-то пояснила она.

– И что, хорошо получается?

– Не-е-ет! – рассмеялась Лоза. – Они просто отстой. Наши маленькие отщепенцы, прости господи.

– Да, они – отстой. А я не соревнуюсь, – будто защищаясь, сказала Изола.

– Платье придает иллюзию гордости за свой дом, – пояснила Лоза и пафосно указала на ленты на своей груди. – Дом Артура. Красная команда. Безоговорочные победители.

– А, да... кое в чем я все-таки соревновалась, – будто бы вспомнила Изола. Она приподняла подол платья, чтобы показать Эдгару испачканные ноги, и продемонстрировала стершиеся ладошки. – Перетягивание каната!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/ellis-nir/strashnye-istorii-dlya-devochek-uayld/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Заключительная строфа стихотворения Эдгара Аллана По в переводе К. Бальмонта. Здесь и далее примеч. перев.

2

Дорогая (исп.).

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ellis-nir/strashnye-istorii-dlya-devochek-uayld-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)